

С. С А Х А Р Н О В

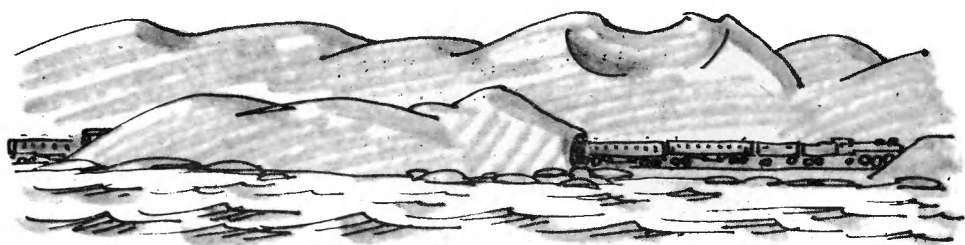

ТАМ
ЖИВУТ
ОДНИ
КИТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

С . С А Х А Р Н О В

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Л Е Н И Н Г Р А Д . 1 9 6 6

Рисунки
В.Равкина

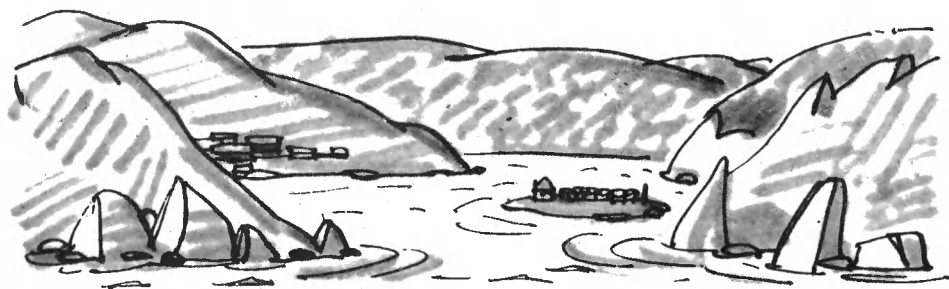

Scan AAW

— Кто живёт на Дальнем Востоке?

— Там живут одни киты.

(Из разговоров.)

ТАМ ЖИВУТ ОДНИ КИТЫ

У т р о

Дима подошёл к окну.

За окном блестела бухта, синяя, в белую и чёрную полоску. Полоски шевелились. Это шли волны. Они огибали маленький островок посреди бухты, опрокидывались у берега.

На берегу рыбаки в брезентовых куртках и резиновых сапогах растягивали коричневую сеть. В сети зеркальцами вспыхивали стеклянные буйки.

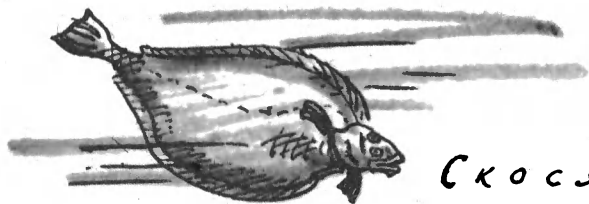
— Ай-ай-ай! — сказала мама. — До сих пор не верится: заехали на край земли, Японское море! Кто-то, помню, сказал: «Там живут одни киты!»

— Да, — сказал папа. — Три дня на пароходе! У меня до сих пор качается под ногами пол.

Посреди комнаты стояли восемь чемоданов. Один — с посудой, один — с одеждой, два — с книгами, один — с постельным бельём, и ещё три чемодана неизвестно с чем.

— Всё-таки у нас недопустимо много барахла! — сказал папа. — Когда мы, наконец, будем ездить налегке?

— Наверное, никогда! — сказала мама. — Интересно, какую работу предложат мне здесь? В Мурманске я преподавала музыку, в Севастополе озеленяла город. Осталось только научиться печь хлеб!

Скосяченная рыба

После завтрака пришёл папин начальник Виктор Васильевич.

— Привет европейцам! — сказал он. — Сегодня увидите моё хозяйство. К сожалению, Владивосток помогает нам плохо, но думаю, к зиме отделение мы всё-таки развернём. Беда с аквариумами — текут!

— Аквариум — это очень важно, — сказал папа. — Все мои опыты — аквариальные. Попробуйте изучать кальмаров в море!

— Нас, промысловиков, — сказал Виктор Васильевич, — интересует больше всего скосяченная рыба.

— Как скосяченная? — удивился Дима.

— Такая, которая собирается в косяки. Её удобнее ловить сетью. Пока рыба не скосячена...

— Скосяченная — какое ужасное слово! — сказала мама. Она повернулась к папе: — Не забудь, что Диме через два дня в школу!

— Да, да! — сказал папа. — Мы сегодня же отнесём документы.

— Школа? Вот она! — сказал Виктор Васильевич и показал на белое здание на той стороне бухты. — Смотри не дерись с мальчишками!

— Что вы! — сказала мама. — Наш Дима — большой. А потом, он в жизни не дрался!.. Интересно, как дети добиваются до школы?

— Рейсовым катером.

— А зимой?

— По льду, пешком, мимо острова. Между прочим, он называется Устрица. Там у рыбаков склад дизельного топлива. А сторож — женщина, и живёт одна — с козой.

— С козой? — удивился папа. — Я бы жил с собакой. Ну что ж, идёмте взглянем на аквариум. Дима, ты идёшь?

— Сейчас, он пришьёт пуговицу.

Дима поморщился, сел на чемодан и начал пришивать к зелёному пальто большую чёрную пуговицу. Мама строго смотрела на него.

— А где мой портфель? — спросил папа. — Безобразие, когда нужно — ничего не найдёшь!

— Он у тебя в руке, — сказала мама.

— Ах, да! Итак... Дима, ты пошёл? Подожди на улице — мы сейчас догоним. Интересно, — добавил папа вполголоса, — как у него здесь будет с товарищами? До сих пор он сходил с детьми очень трудно. Всё с нами и с нами. Надо дать ему самостоятельность!

Л я т е р о

Улица была немощеной. Вдоль заборов тянулись неровные дощатые тротуары.

Не успел Дима сделать десяток шагов, как за заборами послышались голоса.

— Петька-а!

— А?

— Петька-а!

— Тут!

— Петька-а!

— Что?

— Петька-а!... Эдик!... Зина идёт!

Дима оглянулся. Кроме него, на улице никого не было.

Из-за дощатых некрашенных заборов на улицу выходили по одному мальчишки. Они были кто в прошитой парусиновой куртке, кто в тельняшке. Собралось пятеро: четверо боль-

ших, пятый поменьше. Тот, что поменьше, был косой. Мальчишки подошли к Димке.

— Глянь, не Зина! — удивлённо сказал косой.

— Новенький!

— Вчера пароходом приехал.

— Городской!

— Жаль, что не Зина!

Косой подошёл к Диме вплотную.

— А ну, Эдик, спроси, чья у него пуговица! — сказал самый большой из мальчишек. Косой взялся двумя пальцами за чёрную пуговицу.

— Чья? — спросил он.

— Моя, — тихо ответил Дима.

— Держи крепче! — Эдик оборвал пуговицу и сунул её Диме в карман.

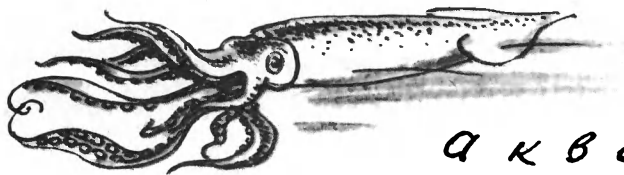
— А эта чья? — Он взялся за вторую.

— Ата! — крикнул кто-то. Мальчишки бросились в стороны. Захлопали калитки. Дима остался один.

По тротуару шли папа и Виктор Васильевич.

— О-о! — сказал папа. — Я вижу, ты делаешь успехи. Познакомился? Очень хорошо! Но где твоя пуговица? Ты что, глотаешь их?

— Глотаю! — угрюмо ответил Дима.

а к в а р и у м ы

«Отделение Института рыбной промышленности. Бухта Надежда».

Надпись была сделана мелом, прямо на двери.

Две лестницы за дверью вели: одна вверх — на второй этаж, вторая — вниз, в подвал.

Виктор Васильевич повёл папу вниз.

В подвале было тепло и сыро. Горело много электрических ламп. Журчала вода.

Посреди подвала стояли три больших стеклянных ящика с водой.

— Текут! — горестно вздохнув, сказал Виктор Васильевич. — Уж мы их и замазкой, и клеём бэ-эф... Какие махины! А вот — крабы. Их в Надежде добывают до сотни тонн в год.

Крабы сидели в первом аквариуме. Они были лиловатые, все в колючках и выростах. Крабы беззвучно жевали что-то и царапали стёкла суставчатыми лапами.

Второй аквариум был закрыт сеткой.

— А этих мы для тебя оставили, — сказал Виктор Васильевич. — Кальмары. Видал бездельников? Чисто рыбы!

К стеклу подплыла стайка беловатых, вытянутых, словно сигары, животных. Они, как истребители, держали строй. Заметив людей, кальмары взмахнули хвостами и сделали поворот «все вдруг».

— Понимаешь, — сказал папа Диме, — кальмар — родственник осьминога и улитки. Интереснейшее животное! У него внутри — реактивный двигатель. Кальмар набирает в себя воду, с силой её выталкивает и сам в другую сторону — шашь!

— Животное интересное, но промысловое значение имеет малое, — сказал Виктор Васильевич.

— Пока, — сказал папа.

— Знаешь, когда не было сетки, они всё время выпрыгивали, — сказал Виктор Васильевич. — Раз прихожу, а один на полу — засох...

В третьем аквариуме ничего не было видно. На илистом дне возвышался низкий плоский бугор. Дима постучал пальцем по стеклу. Бугор вспучился, стрельнул во все стороны жёлтыми иловыми фонтанчиками, привсплыл и оказался рыбой, плоской и круглой, как тарелка. Глаза сбиты на одну сторону, рот и жаберные крышки свёрнуты набок...

— Скосяченная рыба? — сказал Дима.

— Камбала! — объяснил Виктор Васильевич. — Основной объект добычи в летние месяцы... Так что мы будем сегодня делать?

— Сейчас мы с Димой съездим в школу, и я вернусь, — сказал папа. — Надо немедленно составить план зимних работ, заказать рыбакам кальмаров, выписать микроскоп...

ш к о л а

Рейсовый катер ходил через бухту раз в три часа. На него попали удачно.

Затарахтел мотор, палуба затряслась: матрос в рубке крутанул рулевое колесо.

Катер отошёл.

Кроме папы и Димы, на палубе оказался ещё один пассажир — мальчишка в зелёном пальто.

— Смотри, пальто — как у тебя! — шепнул папа. — Может, он тоже приезжий?

Мальчишка стоял спиной к ним, на самом носу катера.

Катер шёл мимо Устрицы. На острове хорошо была видна изгородь из колючей проволоки, за изгородью — белые металлические бочки, красная пожарная доска, сторожевой домик.

Около доски стояла коза.

Матрос дал гудок.

Из сторожки вышла женщина в чёрной шинели. Из-за спины у неё торчала винтовка. Коза подошла к женщине и потёрлась о её ноги.

— Папа, а киты здесь, верно, живут? — спросил Дима.

Папа задумчиво посмотрел на бухту.

— Ты знаешь, любопытная вещь, — сказал он. — Виктор Васильевич рассказывает, что раньше киты появлялись здесь

часто. Затем между входными мысами к маяку проложили по дну электрический кабель. Киты перестали заходить в бухту!

— Испугались! — сказал Дима. — Наверно, они чувствуют электричество.

Женщина-сторож посмотрела на катер, повернулась и пошла назад в сторожку.

Катер миновал остров, пересёк бухту; замедлив ход, подошёл к берегу.

— Знаешь что, — сказал папа, — мне надо ещё на почту и в магазин. Может быть, ты пока подождёшь меня здесь?

Н а б е р е г у

Сойдя с причала, папа направился в посёлок, а Дима пошёл по тропинке вдоль берега.

— Не уходи далеко! — крикнул папа.

Тропинка, вильнув, незаметно отступила от воды и запетляла между деревьями. Под каблуками начал поскрипывать сухой мох. Запахло вялыми сосновыми иглами.

Вдруг Дима остановился.

Под раскидистой невысокой сосной стояли два креста. Железный и деревянный.

К деревянному была прибита добела отмытая дождями доска. На ней виднелись полустёртые латинские буквы и год — 1878.

На железном кресте надпись была русская, ясная, свежеподкрашенная:

ШТУРМАНЪ ВАСИЛЬЕВЪ
И ДѢВЯТЬ НИЖНИХЪ ЧИНОВЪ.
ТРАНСПОРТЪ „НАДѢЖДА“.
Скончались отъ цинги в зиму 1854 года

«Так вот почему бухта Надежда», — подумал Дима.

Он огляделся по сторонам. Сквозь частокол красных створ-
лов просвечивала зелёная вода. Ключья тумана ползли над
головой. Было очень тихо.

Позади хрустнула ветка. Дима обернулся. На тропинке
стоял мальчишка в зелёном пальто.

— Здоров! — спокойно сказал мальчишка. — Тебе на
катер?

— На катер, — ответил Дима.

— Пошли!

В руках мальчишки была небольшая торба. Холст оттопы-
ривали уголки хлебного кирпичика.

Мальчишки сделали шагов сто и вышли к бухте. Школа,
причал, у причала готовый в обратный рейс катер.

Оба молчали.

Не оглянувшись на Диму, мальчишка бросил торбу на ка-
тер, перепрыгнул через борт.

— Ди-ма-а! — раздался голос.

К причалу бежал папа.

— Уф! — сказал он. — Успел всё, кроме школы: канцеля-
рия закрыта, директор будет через час. Здесь можно проси-
деть до вечера. Знаешь что, я останусь, а ты иди.

— Хорошо! — сказал Дима.

Осторожно ступая по шатким брёвнам настила, он напра-
вился к катеру.

Н а з а д

Назад шли против ветра. Мелкие брызги, перелетая через
борт, больно били в лицо... Похолодало.

Мальчишка в зелёном пальто снова стоял на носу. От
брызг его лицо стало мокрым. На пальто по груди и животу
расползлось тёмное пятно.

На этот раз, когда катер проплывал мимо Устрицы, женщина из сторожки не вышла.

Мальчишка ушёл и спрятался от ветра за рубку.

Берег с посёлком приближался.

Катер с размаху ударился о причал и остановился. Матрос закрыл рубку на замок, подождал, когда из машины вылезет моторист, и они оба спустились на берег.

За ними сошёл мальчишка в зелёном пальто. Потом — Дима.

З и н а

Глинистой размытой дорогой Дима поднялся от причала к посёлку.

Дощатый тротуар запрыгал у него под ногами.

Поворот... Второй... Какой-то шум.

Посреди улицы стоял мальчишка в зелёном пальто.

Пятеро — тех же, с Эдиком, — ребят окружили его.

— Зачем лодку берёшь? Зачем? — спрашивал самый большой.

— Не твоё дело.

— Будешь брать?

— Буду.

— Будет! Будет! — закричал Эдик.

Зелёное пальто было растёгнуто. На животе мальчишки жёлтым пятном светилась бляха.

— Пятеро на одного, да? — сказал мальчишка.

Враги переглянулись. Трое отошли в сторону. Двое остались.

Увидя Диму, мальчишка крикнул:

— Давай сюда!

От неожиданности Дима задохнулся. Ему стало жарко. Он

сделал шаг вперёд, остановился и вдруг рысцой побежал к мальчишке.

Не успел он добежать, как кто-то с ходу стукнул его в затылок, чей-то кулак мелькнул перед носом, в глазах всё завертелось, и он упал на колени.

Когда Дима пришёл в себя, голоса противников удалялись. На спине его лежала рука мальчишки. Вместо домов перед глазами стояли мутные серые пятна.

Дима встал на ноги.

— Здорово ты! — сказал мальчишка. — Я думал, сдрейфишь!

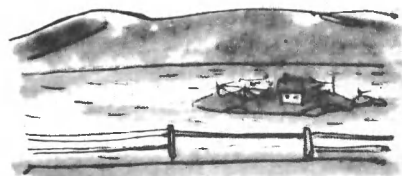
Дима невидяще посмотрел на него.

— Больно?

Дима кивнул. Шея была как деревянная. За ухом огнём разгоралась боль.

Он прищурился. Между серыми пятнами домов мельтешили чёрные убегающие точки.

— Петька! Петька! — раздавались голоса. — Эдик!
— Кто из них Петька? — спросил Дима.
— Они все Петьки, — ответил мальчишка. — Четыре Петьки и один — Косой Эдик.
— А кто Зина?
— Зина — это я. Зинченко, Борис.
Дима потрогал шею.
— Скосяченная, — невесело проговорил он.
Борис стоял, широко расставив ноги, и смотрел поверх Диминой головы на бухту.
— За что они тебя? — спросил Дима.
— За лодку. Лодку я у них беру. Не дают, а я беру. Нужна она мне, — ответил Борис и помрачнел. — Нужна... Ну как, жив? Пошли, что ли?

О д н о й с т р а ш н о

Шли серединой улицы. Улица была поката, и дома со стороны бухты не заслоняли ни причала, ни синей воды, ни моря.
— Ты откуда приехал? — спросил Борис.
— Из Севастополя.
— Там тепло?
Дима кивнул.
— Книг много привёз?
— Чемодан.
Борис свистнул.
— Петьки в одну школу с тобой ходят? — спросил Дима.
— А как же, другой нет.
— Драться будут.
— Ничего. В школе не подерутся. Это они сейчас. А зимой они в хоккей и в баскет играют. Хорошо играют: четыре человека — почти команда. Только фолят здорово!

Дима остановился и посмотрел на бухту. По маленькой Устрице двигалась чёрная фигурка.

— Почему она там живёт? — спросил Дима. — Я с катера её видел. Одной ведь страшно.

Борис поёжился.

— Это моя мать, — сказал он. — Она от отца ушла. Дерётся отец. Гордая она у нас очень.

Дима растерянно тронул больное ухо.

В конце улицы показалась высокая беловолосая девушка.

— Ну бывай! — вздохнув, сказал Борис. — Вон меня Тоська ищет. Соседская. Я им хлеб покупал... Отец сказал, он через месяц уедет. Я думаю, тогда всё наладится. Ты в каком классе? Я тоже в шестом. А Тоська — в девятом. Она как парень. Прощай!

В е щ е р

Когда вечером все собрались дома, папа сказал:

— Всё уладил: ты записан, будешь учиться в первую смену... Но как мне не везёт: ни одного исправного микроскопа! А я собирался начать изучение кальмара со строения его мышц. Запросим Владивосток: у них, говорят, пять микроскопов на одного сотрудника!

— Знаешь, где я буду работать? — спросила мама. — Прямо анекдот — ведь я угадала: на пекарне. Им нужен счетовод. Дима, что у тебя с шеей?

— Ударился.

— Странно... Познакомился с кем-нибудь?

— Познакомился.

— Как его зовут?

— Зина.

— Очень хорошо! Я всегда мечтала, чтобы ты подружился с девочкой.

— Это мальчик.

— Да? А ещё с кем?

— С Петькой.

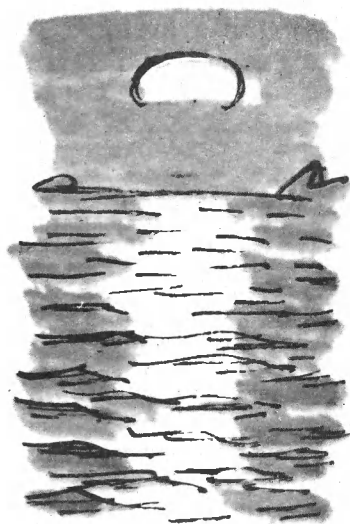
— Это что — тоже девочка?

— Это четыре мальчика... Ещё с Косым Эдиком.

— Удивительные имена! — сказала мама. — Ну что ж, я вижу, жизнь налаживается. Давайте ложиться спать!

Умываться Дима вышел на крыльцо. Из моря вставала большая расплюснутая луна. Она красила воду в оранжевый цвет. В море за входными мысами то появлялись, то исчезали чёрные полосы.

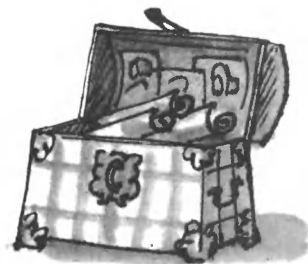
— Это, наверное, киты! — подумал Дима и осторожно плеснул в лицо солоноватой холодной водой.

ФРЕГАТ „ПАЛЛАДА“

Дима, Тоська, Борис

Дорога петляла. Сначала она шла над самой бухтой, потом по гребню низенькой сопки, потом через лес.

Первой шагала Тоська, за ней Дима, последним — Борис.

На опушке леса их обогнала колонна бензовозов. Машины двигались, нутужно ревя, покачивая серебристые баки. Чёрные рубчатые шины стреляли во все стороны щебнем.

— Идёмте лесом! — сказал Дима.

— Конечно, здесь задохнёшься! — сказала Тоська.

Перепрыгнули через канаву.

Бензовозы прошли, и снова за поворотом стала видна школа. На крыльце копошились две чёрных фигурки: завхоз и директор прилаживали к двери замок.

— Директор молодец, — сказал Дима. — Как он быстро сказал: «Поздравляю, до осени», — раз-раз и готово... Счастливая ты, Тоська, ещё год — и всё, а нам... — он махнул рукой.

— А я бы училась ещё, — сказала Тоська. — Училась бы и училась. Сперва с вами, потом ещё с кем-нибудь.

— В чём дело? Оставайся на второй год! — сказал Борис.

Он первый свернул к бухте.

За Борисом спустились в распадок; обходя ямы, пробрались к воде. Шли берегом, пока за мысом не высветился жёлтыми домиками посёлок.

— А моя-то уехала! — сказал, посмотрев на посёлок, Борис. — В Комсомольск двинула. С соседкой.

— С полочки?

— Ага. Пальто у матери старое. Вот они и собрались.

Тоська нагнулась и подняла с камней побелевший от морской воды корень.

— Правда, как ящерица? — спросила она. — Лапки, голова. Только хвост кривой.

— Это сосна, — сказал Борис. — Её высушить да отполировать, — будет вещь!

Сели на тёплые покатые валуны. Между валунами пощёлкивала вода.

— Через год у нас экзамены! — сказал Дима. — Вот будет трудно!.. Вы что, ребята, сегодня делаете?

— Я на катере пойду, в магазин, — сказала Тоська.

Борис взял у неё из рук корень и начал выправлять ящерице хвост.

— Вчера по радио только спросили: «Назовите семь морских рыб на букву «Л», — сказал он. — А у нас приёмник пшик — и испортился. Буду чинить.

— На букву «Л»? Лосось, — сказал Дима.

— Правильно.

— Лобан...

— Рыба-ласточка, — сказала Тоська.

Дима фыркнул.

— Пижоны вы! — сказала Тоська. — Пижоны, не лучше Сергея. Нахватались верхушек и задаёте.

— А ты дылда! — сказал Борис. — Каланча.

Он помолчал и добавил:

— Киношников видели?

— В беретах? — спросил Дима. — Вчера? Я видел.

— Каких? — удивилась Тоська.

— Из Хабаровска. К директору приезжали, фрегат «Пал-

ладу» снимать будут. На дно полезут. Сергей говорит, им двух водолазов дали.

— Сергей? — спросила Тоська. — Какое ему дело — он ведь уезжает. Ему теперь на всё наплевать.

Борис пожал плечами.

— У них свой автобус и два газика, — сказал он. — Директор с ними часа два говорил. А потом на бухту повёл.

— Ничего они там не увидят, — сказал Дима. — Там глубоко, ил.

— А вдруг они найдут корабль? Зайдут в каюту, а там сундук. С рукописями, — сказала Тоська. — Вот бы посмотреть, мальчишки, а? «Палладу» сверху видно?

— Не знаю, — сказал Борис. — Может, и видно. Точное место надо знать.

— А вы узнайте!

— Ладно. Может, сходим сейчас на пирс, а?

К о с о й Э д и к

Короткий пирс на металлических сваях, с деревянным настилом, сверху был похож на букву Т. Ребята обошли скалу.

На краю пирса сидел Косой Эдик и сачком водил по воде.

— Здорово, рыбак! — крикнул Борис.

Эдик обернулся и исподлобья посмотрел на ребят.

— Что ловишь?

Эдик лёг на живот, сунул сачок глубоко в воду; прижимая к свае, повёл его вверх. Из сачка шумно, как дождь полилась вода. Эдик вывернул сачок на причал. По настилу со стуком покатались два бурых колючих шара.

— А-а, ёжики! — сказал Борис.

Ежи лежали, подрагивая красными известковыми иглами. С игол на доски срывались крупные капли воды.

Эдик достал из кармана кусок газеты, завернул в него ежей, сунул пакет за пазуху. Бросив сачок на плечо, он пошёл с пирса, шаркая растоптанными башмаками.

— Куда он их понёс? — спросила Тоська.

— В муравейник, — объяснил Борис. — Закопает, иголки обдерёт, будут скелетики. Они знаешь какие красивые!

Тоська поморщилась.

Дойдя до начала пирса, Эдик остановился.

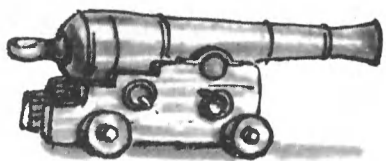
— Живодёр! — крикнула Тоська.

Эдик показал ей язык и полез по узенькой тропинке на сопку.

— Вон там где-то «Паллада» лежит, — Борис показал рукой на середину бухты.

Тоська долго смотрела туда.

— Мальчики, — наконец сказала она, — а ведь, правда, здорово? Целый корабль там лежит. А на него водолаз опускается, опускается... Я читала, как фрегат сюда попал.

„ П а л л а д а “

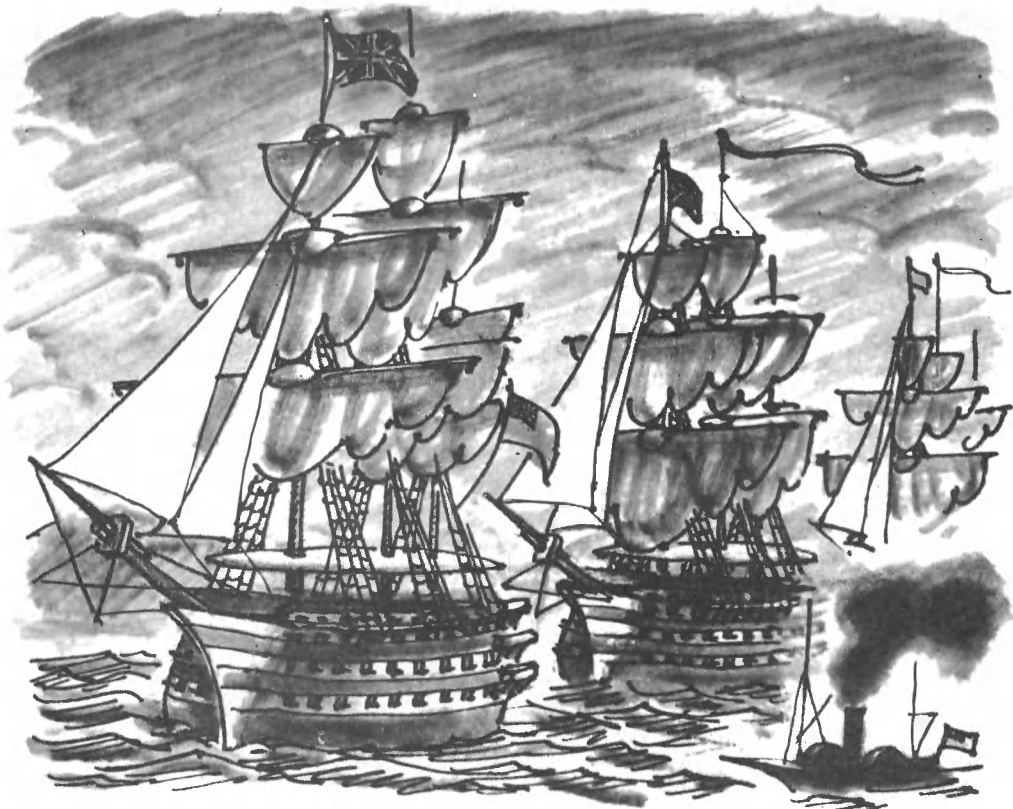
Это произошло осенью 1854 года. Фрегат «Паллада», закончив кругосветное плавание, патрулировал у берегов только что присоединённого к России Приморья.

В Крыму под Севастополем грохотали пушки. Английская, французская, турецкая армии штурмовали Малахов курган.

В Японское море вошла английская эскадра. В её составе были тяжёлые многопушечные корабли. Каждый — в несколько раз сильнее «Паллады». Англичане решили захватить фрегат в плен.

Драться с эскадрой было бессмысленно.

Тогда на «Палладе» собрали совет.

«Корабль сдавать нельзя!» — мнение совета было единодушным.

Нашли глубокий залив. В одной из его бухт поставили на якорь фрегат. Измерили глубину. Под килем оказалось тридцать саженей.

Провиант и пушки свезли на берег. Построили крепость. Когда английские корабли подошли к заливу, команда покинула фрегат. Последние из уходивших открыли в трюмах забортные краны. Холодная солёная вода хлынула внутрь корабля. Фрегат накренился, повалился набок; с грохотом ломая мачтами лёд, скрылся под водой...

Не обнаружив «Паллады», англичане ушли.

Дима сидел на корточках в коридоре и смотрел, как сосед Андрей Павлович возится со старым чемоданом.

— Значит, едет ваш Сергей... — задумчиво сказал Дима. — Я думал, он побоится!

Андрей Павлович повернул зелёный обтрёпанный чемодан «на попа».

— Едет. В Европу, в институт. В Москву. Как думаешь, поступит?

— Не знаю.

Андрей Павлович с хрустом вырвал железный уголок из чемодана.

— Скажите, пожалуйста, — спросил его Дима. — Вы водолаз, вы знаете, где точно лежит «Паллада»?

Андрей Павлович не ответил и начал подгибать уголок кусачками. Потом он стал искать гвозди. Гвоздей не нашлось. Он ходил из комнаты в коридор и обратно, задевая косяки, на ходу вырывая клещами гвозди из стен. Под его тяжёлыми башмаками повизгивал пол.

— «Паллада» лежит во второй бухте, — наконец сказал он, — за тёмным пирсом. Мы над ней недавно красный буёк поставили.

Он прошёл в кухню. Там грохнулась на пол табуретка.

— У-ух, ты! — сказал Андрей Павлович и пронёс по коридору к себе в комнату кружку с водой. — Разлил. Поглажу ему брюки. Дима, взгляни, дождя нет?

Дима подошёл к окну.

С моря на залив надвигалась туча. Она поползла до сопки, упёрлась в них и остановилась. Серые нити дождя протянулись до самой земли. За окном потемнело. На стёклах появились белые точки.

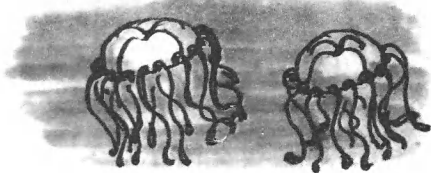
— Уже капает! — крикнул Дима. — А где Сергей?

— За билетом пошёл.

Андрей Павлович вышел из своей комнаты, одетый в зелёную парусиновую куртку с капюшоном. На руке был плащ.

— Пойду встречу, — сказал он. — Вот так... Через день — катер, пароход... Быстро вы растёте, ребята!

Тоська и Дима

Дождь лил целые сутки и перестал только на другой день. Улица раскисла. Дома стояли с мокрыми пятнами на стенах. Заборы почернели. Прохожие осторожно, боясь сорваться в грязь, пробирались по шатким деревянным тротуарам.

Выйдя на улицу, Дима встретил Тоську.

— Про «Палладу» узнал? — спросила Тоська.

— Узнал. Там поставлен буёк.

— Пошли посмотрим?

— Сейчас? Сыро.

— Ничего!

Тоська первая спустилась к воде, отвязала лодку, влезла в неё, села на вёсла. Дима прыгнул на корму. Оттолкнулись.

Тоська гребла, поджав губы, натянув на коленки розовое в цветочках платье, забрасывая изо всех сил вёсла.

Шли вдоль берега. Скалы круто обрывались в воду. На базальтовых серых склонах топорщились редкие сосенки.

В разрывах туч показалось солнце. От воды пошёл пар.

Первая бухта. Вторая. Посреди бухты плясал на мелкой волне красный буёк.

Дима подрулил к нему. Буёк стукнулся о борт, заскользил вдоль планширя. Наклонясь, Дима поймал его за кольцо.

— Здесь! — сказал он.

Солнце пригрело. По мокрым вёслам поползли сухие плешинки. Тоська заглянула через борт. В ясной холодной воде клубилась солнечная пыль. Отсвечивая голубым, одна за одной проплыли медузы с белыми крестами на зонтиках.

— Ну, что? — вполголоса спросил Дима.

Тоська не ответила.

— Я ничего не вижу. Вода там, и всё, — сказал Дима.

Лодка качнулась. Тоськин нос приблизился к самой воде. В тёмной глубине колыхались смутные тени.

— А я вижу. Я вижу корабли! — сказала Тоська.

Тоська и Сергей

— Хочешь, я тебе ежа покажу? — спросил Дима, когда они вернулись с бухты. — Скелетик. Я его на берегу нашёл.

Тоська кивнула.

Они стояли около Диминых окон.

— Пузырь натёрла! — Тоська лизнула ладонь. — Вёсла мокрые.

Дверь в дом была открыта. Вошли в комнату.

— Вот! — сказал Дима и подвёл Тоську к комоду.

— Большой!

Тоська небрежно потрогала пальцем кружевную известковую коробочку. Коробочка была круглая, зеленовато-серая, с дырой посередине.

— Осторожнее, — предупредил Дима. — Она слабая!

— Знаю.

В комнату вошёл Сергей.

— Прошу прощения! — сказал он, увидев Тоську.

Тоська отвернулась.

— Ничего, — сказала она. — Можешь не извиняться, ты никогда не был вежлив.

У Сергея поднялись брови.

— При чем это? — сказал он. — Дима, нам с отцом клей нужен.

— Записку к стене приклеить? — спросила Тоська. — «В этой комнате жил знаменитый...» Ты на кого учиться едешь?

— Чемодан чиним, — сказал Сергей. — Тебе завидно?

Он вышел, хлопнув дверью.

— Чего он обиделся? — удивился Дима.

— Так бывает всегда, когда человек уезжает на Запад, — громко сказала Тоська.

В комнате у соседей что-то грохнуло.

— Когда-нибудь и я соберусь и уеду, — продолжала Тоська. — Поступлю в актрисы.

— Серёжа, я нашёл клей! — крикнул Дима.

Сергей вернулся.

— А ты, верно, поступаешь на литературный? — спросила Тоська.

На скулах у Сергея появились малиновые пятна.

— И будешь, конечно, писать стихи?.. «Я помню чудное мгновенье...» Это правда, что все поэты носят бороды?

Сергей выхватил из рук Димы пузырёк с клеем и выско-
чил в дверь.

— Ты что, с ума сошла? — сказал Дима. — Чего к челове-
ку пристала?

— Разве? — спросила Тоська и сделала большие глаза. —
Разве я его трогала?

— Тебе-то что? Ну, едет. Кстати, там не поэтов, а учите-
лей готовят... Ты идёшь?

Тоська вышла в коридор.

— А завтра-то опускаются! — крикнул ей вслед Дима. —
Борис директора видел. Киношники артистов набирают. Ты
не хочешь?

— Вот ещё! — сказала Тоська. — И не подумаю.

— А смотреть пойдём?

— Пойдём. Я уже загадала — они обязательно вытащат
сундук.

К и н о ш н и к и

Вечером пришёл Борис.

— Сергей и билет уже на завтра взял, — сказал Дима.

— Пароход в тринадцать часов. Не боится — молодец!

— Молодец! — согласился Борис. — Я кончу — тоже поеду.
Только в технический.

— Приёмник починил?

— Не получилось.

В конце улицы показался газик. Он шёл по грязи, качаясь, как лодка. Поравнявшись с крыльцом, газик остановился. Из машины выскочили два человека в плащах и беретах и направились к дому.

— Мальчики, — спросил один, — вы местные?

Борис кивнул.

— Я помощник режиссёра, это мой товарищ — оператор. Завтра мы снимаем спуск водолазов. Нам нужны два зрителя: мальчик и девочка. Разрешите вас снять? Федя, сделай пробу!

Оператор достал из-под плаща фотоаппарат и щёлкнул ребят.

— Мальчишка — что, — сказал он. — Вот девочка! Девочка — проблема. По сценарию нужна обязательно беловолосая девочка. Не знаете подходящей?

— Есть тут одна, — сказал Дима. — Я за ней сбегаю!

Когда Дима с Тоськой пришли, на крыльце стояли Борис и Сергей. Режиссер и оператор сидели на табуретках.

— Ах, вот какая она, — сказал оператор, посмотрев на Тоську. — Беловолосая — это хорошо, а вот рост велик. Виктор Ильич, что вы о ней думаете?

— Типаж тот! — сказал помощник режиссёра.

— Девочка, — сказал оператор, — стань, пожалуйста, здесь.

Тоську поставили сначала рядом с Димой, потом с Борисом.

— М-да! — снова сказал оператор. — Я так и думал: на целую голову выше! Девочка-Гулливер...

— У неё отец высокий! — объяснил Борис.

— Затем она кажется намного старше вас. На экране это не будет смотреться.

Тоська стояла красная как флаг.

— А что, если... — сказал помощник режиссёра, посмотрев на Сергея. — Станьте, пожалуйста, рядом!.. Так... Ближе... Девушка — вполоборота!

Тоська стояла рядом с Сергеем, плечом касаясь его. Одна заколка у неё упала, и волосы рассыпались по щеке.

— Во! — обрадовался Дима. — Вы же одного роста!

— Отлично! — сказал оператор. — Виктор Ильич, а что, если в сценарии указать не «дети», а «юноша и девушка»?.. Внимание, снимаю!.. Ещё раз!

— Что ж, попробуем. Завтра в двенадцать часов на берегу, — сказал помощник режиссёра. — Очень прошу вас быть обоих. Для юноши съёмки — это эпизод, а у девушки может пойти; были случаи — один фильм, второй...

— Я не могу! — сказал Сергей. — Я уезжаю. У меня билет.

— Билет можно обменять.

— Нет.

Помощник режиссёра удивлённо посмотрел на Сергея и вздохнул.

— Очень жаль! Тогда отпустим и девушку.

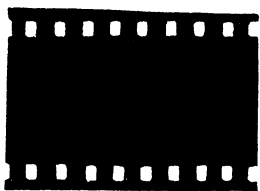
Тоська повернулась и пошла прочь. Борис и Дима догнали её.

— Ты не расстраивайся! — сказал Дима.

— Сергей просто тип! — поддержал его Борис. — Жалко ему билет поменять!

— И что на него напало? Был человек как человек, а тут... Тоська шла, отвернув лицо в сторону.

— Подумаешь, кино! — сказал Дима. — Не хотят и не надо. Ведь и верно, самое интересное не артисты, а что там на дне. Завтра посмотрим,

Косой Эдик и Дима

Возвращаясь, Дима встретил Косого Эдика.

Эдик шёл, загребая ногами, зябко запахнувшись в пиджак.

— Ты куда? — спросил Дима.

— А тебе что?

— Просто так.

Эдик ушёл вперёд, потом остановился и спросил:

— Слушай, а тут этих, с машиной, не было?

— Из кино?

— Ага.

— Были.

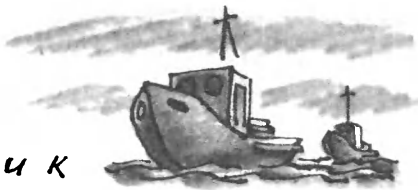
— Где они?

— Не знаю. Уехали.

Эдик почесал в затылке и побрёл дальше. Башмаки его, разбрызгивая грязь, чавкали — чвяк, чвяк.

«А этому зачем? — подумал Дима и вспомнил, как Тоська стояла перед объективом. — Откуда она знает, что у неё красивые волосы? И заколку потеряла...»

Дима, Борис, Эдик

Утро выпало ясным. Залив штилел. Солнце медленно ползло вдоль гряды сопок. Белые нити тумана таяли на лесных склонах.

Первым к бухте пришёл Дима.

На воде у красного буйка уже стоял чёрный, горбатый, как жук, буксир. На нём готовили освещение: матросы привязывали к металлической раме прожекторы и грузы. Внизу под скалой, у пирса, стучали молотки, кто-то командовал артистами.

Послышались шаги. Хрустя ветками, сверху по сопке спулся Эдик.

— И ты снимаешься? — спросил Дима.

— А тебе жаль?

— Обиделся!

Эдик спустился по сопке ещё ниже и остановился.

— Своих ждёшь? — спросил он. — Жди, жди — особенно Тоську!

— Почему?

Эдик хихикнул.

— Видел я её сейчас, — таинственно сказал он.

Наверху раздался голос Бориса.

— Дима-а!

Эдик скрылся.

— Ты один? — спросил Бориса Дима. — А Тоська? Ты её видел?

— Видел. Сказала, опоздает: дело, говорит, важное есть. Гляди — водолазы идут!

Из-за мыса гуськом вышли два водолазных катера-бота. За ними, как усы, тянулись острые кривые волны.

— Раззява! — сказал Дима. — Опоздает — ничего не увидит!

«Про что это болтал Эдик? Какое у неё важное дело?»

— Ты знаешь, приёмник починил! — сказал Борис. — Выходной трансформатор пришлось перематывать. Зато теперь работает — класс: Москву берёт!

Катера сбавили ход, развернулись и подошли к буксиру.

На одном катере начали готовить водолаза. Принесли костюм. Водолаз просунул ноги в резиновый ворот. Двое матросов ухватились за края ворота, растягивая, стали тянуть костюм вверх. Рр-раз! Рр-раз! Водолаз приседал, тонул, всё глубже входил в костюм. Ещё рр-раз! — и ворот сошёлся у него на шее. На водолаза навьючили грузы, надели башмаки, затянули пояс. Принесли круглую медную голову...

— Да придёт она в конце концов или нет? — сказал Дима и оглянулся.

Внизу у пирса снова слышались голоса.

— Смотри, там уже снимают! — сказал Борис, заглянув с обрыва вниз. — Наших из школы полно, и директор здесь. Эдик-то так и лезет, так и лезет. Девчонку какую-то чуть в воду не спихнул. Ага, прогнали его!

— Мало его гоняют, — сказал Дима. — Я его теперь тоже буду гонять!

— Ну и зря! — сказал Борис. — Отец у него плавает. Мать больная...

Голоса внизу умолкли. В лесу было тихо. С сосновых стволов, потрескивая, облетали сухие пластинки коры. От бухты тянуло сыростью. Дима ещё раз оглянулся. По дороге в сторону станции шли трое. Впереди парень с девушкой вдвоём несли зелёный чемодан. Поодаль, отстав, шёл мужчина.

Белые волосы девушки блестели на солнце, как стекло.

— Боря, ты видишь? — шепнул Дима.

Борис кивнул.

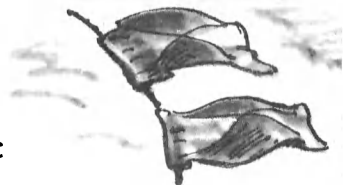
Затрещал можжевельник. Из-за камней показался Эдик. Он медленно лез наверх.

— Иди сюда, Эдик! — сказал Дима. — Отсюда видно всё...

Эдик остановился, но не подошёл. Он повернулся к бухте лицом и начал смотреть, что делается у красного буйка.

Там уже спускали водолаза.

Дима и Борис

Они стояли над самым обрывом. Внизу зелёными огоньками мерцала бухта. Катера подняли четырёхцветные флаги — «Идут водолазные работы». С буксира спустили в воду раму с прожекторами.

— Борис, — сказал Дима, — дай честное слово, что никогда в жизни не будешь дружить с девочками.

— Даю, — сказал Борис.

Он вытащил из кармана перочинный нож, срезал сосновую веточку, заострил её, сделал колышек.

— Забивай! — сказал Дима.

Пальцами разрыли прелую хвою и мох. Показалась рыжая, перемешанная с глиной земля. Борис каблуком забил колышек в землю.

— Забито! — пробормотал он.

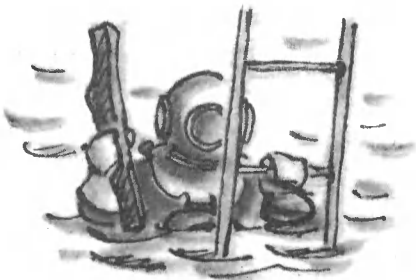
Дима кивнул.

Они пожали друг другу руки.

Внизу над обрывом в третий раз слышались голоса. Кто-то крикнул: «Смотри!»

Люди на катерах засуетились. Вода под кормой одного бота забурлила, раздалась в стороны, из воды показалась круглая медная голова.

Водолаз поднимался по лесенке. Одной рукой он держался за ступеньки, в другой — нёс кусок почерневшей доски. Кусок палубы с корабля, который пролежал под водой более ста лет...

КОСОЙ ЭДИК

Н а п р и ч а л е

Дима и Эдик сидели на причале и смотрели, как плывёт в сером небе воздушный шарик — зонд, запущенный с метеостанции.

Причал был старый. Самый старый в Надежде.

Источенные морским червем — шашелем — брёвна разошлись, камни под причалом осели, настил выгнулся горбом.

Эдик сидел запрокинув лицо. Слабое приморское солнце белым пятном висело над его головой.

Дима вытащил из коробки водолазную маску, подышал на стекло, протёр его, потом начал прилаживать под ремень сбоку маски жёлтую металлическую трубку.

— Вот так маска! — сказал Эдик.

Дима кивнул.

— Итальянская. Отцу из Владивостока прислали, — сказал он.

— Хорошо тебе, — сказал Эдик. Он перевернулся на живот и стал смотреть в воду. Августовское солнце пробило на-конец облака, и по воде запрыгали лучистые блинчики.

Дима нацепил маску на лицо, прошлёпал по настилу. Упираясь босыми ногами в выступы брёвен, начал спускаться вниз.

Эдик пересел на край причала. Его узенькое конопатое лицо появилось над Димой. Кося, подёргивая ртом, Эдик следил за ним.

— Ну как, хорошо видно? — спросил Эдик и Дима, не выпуская трубку из рта, ответил:

— Ха-ва-хо!

П о д в о д о й

Прохладная вода побежала у Димы по ногам, по спине, подошла к горлу. Чуть помедлив, он отпустил угол бревна, за который держался. Эдикино лицо вверху качнулось, расплылось — над головой сомкнулась вода.

В уши вошли упругие водяные пробки. Стало слышно, как шумит в голове кровь. Дима гребанул руками, вода всколыхнулась. Из щелей ряжа — четырёхугольного, засыпанного камнями сруба — вырвалось зелёное облачко мути. Вокруг как блохи запрыгали потревоженные рачки — чилимы. Растопырив зеленоватые клешенки, они висели на одном месте; щёлкнув хвостом, уносились прочь. Всплыв, Дима опустил лицо под воду и начал смотреть. Жёлтым илистым ковром внизу двигалось дно. Гребанув ещё раз, он снова очутился у стенки. Болтая ногами, придерживаясь одной рукой за брёвна, медленно, как человек, идущий против ветра, поплыл вперёд.

Ряжи, как подводные бревенчатые дома, вставали перед ним один за другим. На средний ряж, видно, когда-то налетел пароход. Лицевая стенка была вдавлена, брёвна рассечены пополам. Чёрные, с зелёными лысынами, камни лежали на дне бесформенной грудой. В середине стенки зиял пролом.

Дима подплыл к пролomu и сунул в него голову.

Прямо на него из глубины, выпучив длинные, столбиками глаза, смотрел мохнатый от старости краб.

«Ух ты!»

Дима испуганно мотнул головой. Краб угрожающе поднял кривые бугристые клешни и сдался назад. Через разрушенный настил сверху на него падал желтоватый свет. Позади краба виднелась неглубокая щель.

— Здоровый какой! — удивился Дима.

Рядом с его лицом из почерневшей доски торчал гвоздь. Дима выдернул его и прикоснулся гвоздем к крабьей клешне.

Краб моментально вцепился в железо.

— Отдай!

Дима потянул гвоздь. Краб сопротивлялся. Они сидели в воде лицом к лицу и упрямо тащили, каждый к себе, маленький острый стержень.

Наконец краб сдался. Он выпустил гвоздь и отступил в норку. Прижавшись спиной к камню, растопырив клешни, он стал ждать действия человека... Перед норой на камнях белели лохмотья полусъеденной камбалы. Не опуская одной клешни, краб другой подтянул камбалу к себе.

— Вот ты жадный какой! Ну, ладно, живи! — сказал Дима и вылез из пролома.

Когда он вскарабкался на причал, Эдик сказал:

— Здорово! Ты ни разу головы не поднял. Что, так там всё-всё и видно?

— Всё. Знаешь, как интересно! — сказал Дима. — Я там краба видел.

Эдик кивнул.

— Хочешь посмотреть?

Эдик поёжился.

— Не! Холодно. Солнца нет, — сказал он и плотнее прижался животом к доскам.

— Там знаешь какой краб большущий...

Но Эдик уже не слушал.

— Вчера в клубе кино было. Рассказать тебе? — спросил он. — Про пустыню, как там нефть искали. А один дядька вроде как шпион — всё время мешал. Не верил, что там нефть. У них автобус был — там и кухня, и баня. Чай всё время пили.

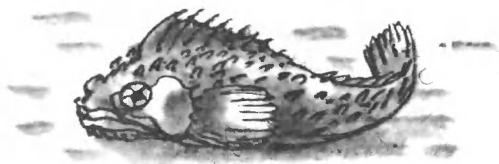
Так вот, раз пошли они на разведку, а этот дядька... Ты как думаешь, — вдруг спросил Эдик, — а меня в кино могут снять? Помнишь, приезжали?

— Я про краба, а ты... — недовольно сказал Дима.

— Наверно, могут, — сказал Эдик. — Снимают же и толстых, и лысых...

Дима быстро оделся, вытер штанами маску и пошёл с причала.

— Я тебе завтра кино доскажу! — крикнул ему вслед Эдик.

В проломе

Когда на следующий день Дима пришёл на причал, Эдик был уже там.

Дима молча сел, сбросил рубашку и начал прилаживать маску.

Эдик привязывал к нитке груз и крючок.

— Пока ты плавал, я вчера вот такого коменданта видел! — сказал он. — Лежит на дне — как бульдог!

Коменданты — бычки. Дима кивнул.

— После меня поплаваешь? — ещё раз предложил он.

Эдик, занятый удочкой, не ответил.

Дима влез в воду и тотчас же поплыл к пролому.

В тёмном углублении ничего не было видно. Дима подплыл ближе. За брёвнами метнулись и замерли две тени.

Дима осторожно приблизил лицо к пролому.

На камнях, в слабом облаке слизи, неподвижно застыли краб и небольшой, серый в зеленоватых точечках, осьминожек... Краб до половины был в своей норе. Растопырив лапы, он упирался ими в камни, а клешнями, как вожжи, держал два осьминожьих щупальца.

Осьминожек был с блюдце величиной. Он сидел сгорбив-

шись на зелёной булыжнике, облепив её четырьмя лапами. Остальными он пытался вытащить краба из норы.

Под полупрозрачной кожей осьминога волнами переливались краски. Он то краснел, то снова становился серо-зелёным. Плоские, как бляшки, глаза без выражения смотрели на противника.

Дима ухватился за ржавую металлическую скобу и стал ждать.

Занятые борьбой животные не обращали на него внимания. Они рывками пытались стащить друг друга с места. Наконец крабу это удалось. Рывок, ещё рывок... Перехватывая клешнями, растягивая резиновое тело противника, он подтянул осьминога к себе. Острая клешня погрузилась в мягкий живот врага.

Однако, увлечённый успехом, краб сам сдвинулся с места. Кривые суставчатые лапы потеряли точки опоры, осьминожки щупальца метнулись вперёд и обхватили многоугольный панцирь краба. На бледном теле осьминога вспыхнули праздничные малиновые полосы. Сокращая щупальца, осьминог стал наползать на краба. Мешкообразное тело легло поверх плоской головы врага, из-под щупалец на мгновение показался чёрный изогнутый клювик и прижался к панцирю. Лапы краба судорожно взметнулись. Коричневое облако мути поднялось со дна...

Болтая ногами и задыхаясь, Дима всплыл, сбил на лоб маску и закричал Эдику:

— Скорее палку!

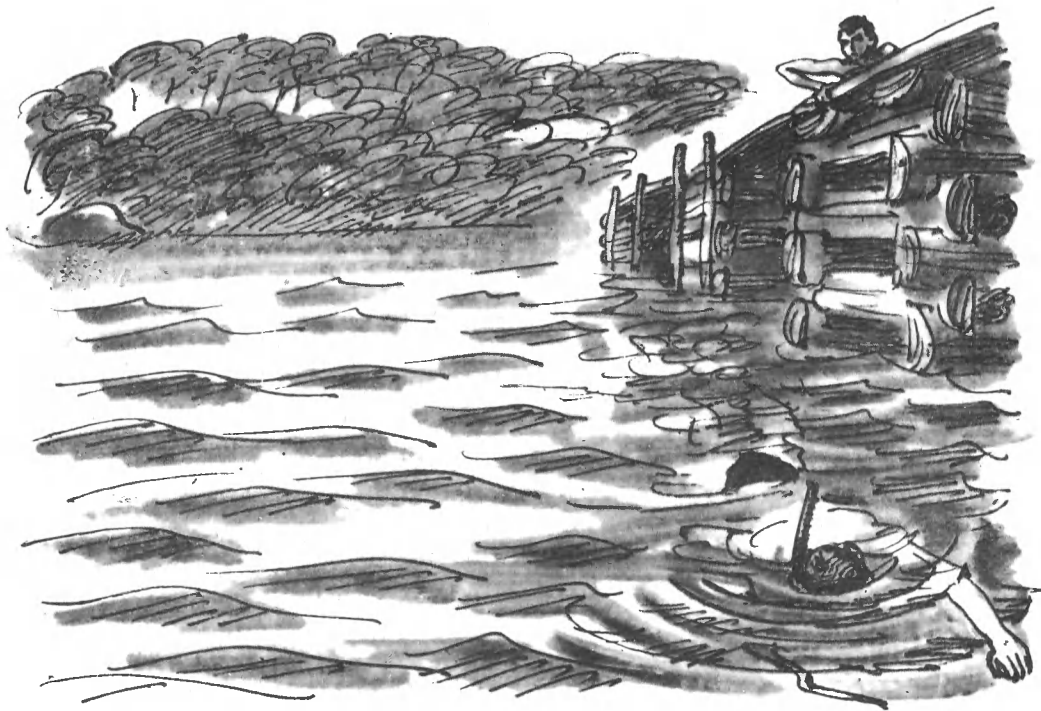
— Зачем? — удивился Эдик.

Он застучал пятками по настилу, и сверху к Диме опустил-ся изогнутый ржавый прут.

— Нашёл чего? — спросил Эдик и страшно округлил глаза.

Не ответив, Дима скрылся под водой.

Из пролома течением выносило ил. Дима сунул прут между брёвнами. Прут упёрся во что-то упругое, задрожал и рванулся в сторону.

Рассекая жёлтое облако, из пролома, сложив щупальца, головой назад выскочил осьминог. Он плыл толчками, раздувая и сокращая белое резиновое тело.

Заметив человека, осьминожек метнулся вбок.

В той стороне, куда он поплыл, дно резко понижалось. Осьминог в два толчка достиг глубины и скрылся среди зеленоватой придонной мглы.

Когда муть в проломе рассеялась, Дима увидал краба. Он лежал на камне, безжизненно раскинув лапы. На плоской пятиугольной голове жёлтым соком курилась ранка.

Подняв краба за ногу, Дима вытащил его из пролома, нашёл ямку, положил туда краба и привалил булыжниной.

Когда он вылез наверх, Эдик сидел далеко в стороне, скорчившись над удочкой. Нитку он держал на пальце. Опу-

стив её в воду, он то и дело поддёргивал, водил крючок по дну. Тёмные пятна шевелились около крючка.

— Эдик! — крикнул Дима. — Иди, я тебе такое расскажу!

Эдик отмахнулся. У него клевало. Нитка на пальце вздрагивала. Каждое шевелящееся на дне пятно могло быть рыбой.

— Понимаешь, я подплыл, а там осьминог — не очень большой, тоже с краба...

Эдик не слушал. Вытянув шею, он смотрел в воду.

— Не хочешь, — не надо.

Дима отвернулся и начал одеваться.

У Эдика дёрнуло. Он потянул. Нитка всплыла без крючка и без груза.

— Обкусила! — сказал Эдик. — Раньше надо было тащить.

Он смотал нитку и подошёл к Диме.

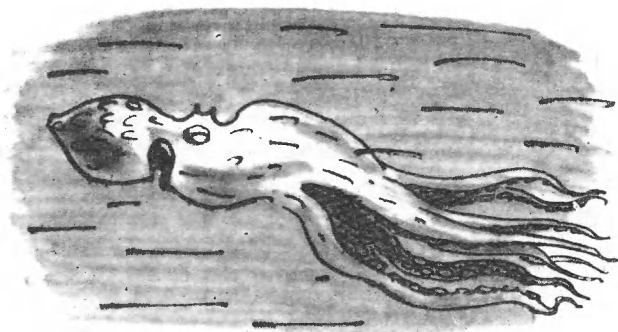
— Так я вчера тебе не рассказал. Значит, двое ехали на автобусе и нашли нефть. Поднялся ветер. Их засыпало. А в это время в пустыне ещё одни искали. Тоже нефть. Так они прошли по этому месту и не нашли — ни нефти, ни людей!..

— Не нашли, — значит, не искали, — сказал Дима. — Далось тебе это кино. Чего ты к нему привязался?

— Если бы я был артистом, мне бы глаз вылечили, — сказал Эдик. — Артистов хорошо лечат, я слышал. Они все весёлые!

Дима стоял на причале, слушал Эдика, хмуро смотрел в мёстами прозрачную, мёстами чёрную воду.

Там бродили по дну смутные пятна. Они выпускали во все стороны изгибающиеся кривые лапы, щупали ими бугристые рыжие, похожие на крабов, камни.

Ц А Р Ъ Б О Р И С

К а т е р а

Первым увидел их Дима.

— Сюда идут! — сказал он, всматриваясь в чёрные точки на горизонте.

Косой Эдик привстал и закрыл от ветра глаза ладонью.

Чёрные точки приближались. Стали видны белые пенные усы.

Дима и Эдик сидели на кекуре — здоровенной одинокой скале. Скала стояла в воде у самого берега. Между кекуром и берегом желтело мелкое дно.

Чёрные точки подошли ближе и оказались катерами. Четыре серых катера с пулемётными башенками на корме и плоскими рубками. Катера прыгали на пологой волне и тащили за собой пенные гребни.

— Сейчас повернут! — сказал Эдик.

У поворотного буй катера замешкались, повернули в одну сторону, дали стоп, постояли на месте и осторожно, обходя буй, направились в Надежду.

Дима и Эдик сползли с кекура; засучив штаны, прошлёпали по воде. На берегу Дима надел на мокрые ноги ботинки и побежал в посёлок.

За ним вприпрыжку мчался Эдик.

Старший лейтенант

Катера постояли всего с час. Грохоча и стреляя моторами, они по одному отошли от пирса и, описав по бухте широкий полукруг, унеслись за поворотный буй, в море.

С катеров сошёл и остался на пирсе чернявый пожилой старший лейтенант.

— Эй, парень! — сказал старший лейтенант, заметив Эдика. — Не знаешь, у кого здесь можно остановиться?

— Покажу! — краснея, сказал Эдик и повёл старшего лейтенанта в посёлок.

— Вот здесь, у старой Мартынихи. У неё все останавливаются. Ей лишь бы платили.

Старший лейтенант поставил на крыльцо чемодан и постучал в дощатую, на разболтанных петлях дверь...

— Интересно, — сказал Дима, когда Эдик вернулся, — чего ему у нас делать? Ты его не спросил, — может, катера за ним ещё придут?

Эдик поджал губы и покачал головой.

На причале стоял острый запах рыбы. Коричневая соль трещала под ногами. Девушки из рыбозасольного везли в цех вагонетку. На вагонетке — донг! донг! — позвякивали белые жестяные банки.

Его фамилия — Петров

— Я узнал: его фамилия — Петров, — сказал Дима, встретив на следующий день Эдика. — Он в правление утром ходил. По телефону звонил. Ему ответили: ждать!

— Кто ответил?

— Кто-кто! Начальство. Он во Владивосток звонил. А Мартыниха маме говорила, — он артист.

Эдик захохотал. Он смеялся во весь рот, показывая зубы до самых дёсен и закатывая повреждённый глаз.

— Может быть, — сказал Дима, — она спутала? Он сказал «артиллерист», а ей послышалось — артист. А теперь ходит, болтает!

— Смотри, — сказал Косой Эдик. — Вот он идёт!

По улице шагал в застёгнутой на все пуговицы шинели старший лейтенант. Холодный ветер, который пришёл ночью с Сахалина, отдувал полу.

Старший лейтенант узнал Эдика.

— Здравствуй, провожатый! — сказал он.

Эдик снова покраснел.

— А ну покажи свой город!

Пошли втроём. Прошли посёлок; тропинкой по берегу, в глубь бухты, вышли к двум старым могилам, где в прошлом веке были похоронены английские моряки и матросы с русско-го транспорта «Надежда».

— С какого корабля эти и отчего умерли, никто не знает. Знают, что англичане, — и всё, — объяснил Дима, показывая на деревянный, серый от дождей и тумана крест.

— Тоже от цинги умерли, — сказал старший лейтенант. Присел на корточки и поправил сухие ветки у подножия крестов. — От чего же ещё!

— За вами скоро вернутся? — спросил Дима.

— Кто? — удивился старший лейтенант.

— Катера.

Он задумался.

— Они не вернутся, — сказал он. — Они ушли совсем. Я жду увольнения. Через неделю-две буду гражданский человек, уеду домой.

Дима удивлённо посмотрел на него. Старший лейтенант по-прежнему сидел на корточках и поглаживал руками жёсткую ломкую хвою.

— А вы воевали? — спросил Дима. — Должны были вое-

вать: у лейтенанта выслуга три года и у младшего лейтенанта — два. Пять лет, а после войны прошло всего три.

Старший лейтенант встал.

— Правильно. Я воевал, — сказал он.

Они снова пошли тропинкой, — назад, к бухте, в посёлок.

— И много вы воевали? — снова спросил Дима.

— С начала войны.

— Вы были матросом, — догадался Эдик.

Старший лейтенант кивнул.

— Сначала матросом, потом старшиной, потом младшим лейтенантом...

— А вы утопили хотя бы один корабль?

Старший лейтенант снова кивнул.

Окраиной посёлка они прошли к морю, берегом добрались до кекура. На берегу завывал свежак. Море было белым от пены. У подножия кекура с пушечным гулом разбивались волны. Обогнув кекур, они выхлестывали на мель; шипя, добежали до береговых камней и, лизнув их, угасали.

От кекура пошли назад.

а ф и ш а

Ветер трепал на стене правления афишу.

Внизу на афише мелкими буквами карандашом было написано:

*Сцена из трагедии Пушкина
„Борис Годунов“, исполняет
старлейт Петров.*

У афиши стояли Дима, Эдик и Борис Зинченко.

— «Борис Годунов» — это про тебя! — сказал Эдик Зинченко. — А интересно будет?

Зинченко не ответил.

— Это моя мама поёт, — сказал Дима и показал пальцем на русские народные песни. — Она сейчас репетирует... Выходит, он и верно артист!

Борис пожал плечами.

— С другой стороны, — продолжал Дима, — какой же он артист, если воевал всю войну и сейчас служит? Ведь это же столько лет прошло!

— Точно! — сказал Борис. — До войны артистом мог быть, а сейчас просто моряк.

— Дима, а он бороду приклеит? — спросил Эдик. — Царь же с бородой... Приклеит, а потом как? Отдирать?

— Артисты их теперь не отдирают, — сказал Борис и покосился на Диму. — У них теперь так — приклеил и валяй с ней всю жизнь.

У Эдика широко открылись глаза.

— Точно? — переспросил он.

— Точно! — сказал Борис.

Дима заулыбался и закивал.

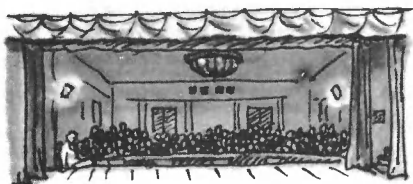
— В-в-во! — сказал Эдик.

— Странный тип этот Петров! — сказал Борис. — Старший лейтенант, командир катера. Через десять лет — капитан первого ранга. И уходит. Чудак!

— Конечно, чудак! — согласился Дима. — Командовал бы себе, плавал: во Владивосток, на Камчатку...

— А где он сейчас?

— В клубе костюм себе шьёт. Он у мамы иголку взял. Много тряпок насобирал, серебрина пузырёк купил!

К о н ц е р т

В маленький комбинатовский клуб набилось полно народу. Борис и Дима устроились в первом ряду на полу.

Эдика с места согнали. Он перелез через оркестровую яму и сел на самом краю сцены.

Начался концерт.

Занавес только починили. Он открывался плохо — застревали колечки, — и его долго каждый раз дёргали.

Прочли литмонтаж. Сплясали гопак. Спела Димина мать.

Пела она хорошо. На ней был русский сарафан и шапочка. Когда она пела, прижимала руки к груди и тихонько раскачивалась.

Дима поглядывал по сторонам и считал, много ли ей хлопают.

— Сцена из трагедии Пушкина «Борис Годунов», — объявил ведущий. — Исполняет старший лейтенант запаса Петров.

Потушили свет.

В темноте было слышно, как дёргаются кольца — открывали занавес.

Из-за боковой кулисы на сцену упало пятно неверного дрожавшего света. На сцену вышел царь.

— Достиг я высшей власти... — начал царь негромко.

Эдик сидел на краю сцены. Рот у него был открыт. Вместо старшего лейтенанта, гладко выбритого, в шинели и фуражке, по сцене медленно шёл, держа в полусогнутой руке подсвечник, старик-царь. Старик был с бородой. Когда он говорил, борода дрожала, красные и чёрные тени прыгали по его лицу.

— ...Шестой уж год я царствую спокойно, — жаловался царь. — Но счастья нет. моей душе... Напрасно мне кудесники сулят...

Старик, тяжело неся накиннутую на плечи шубу, вышел на середину сцены.

— Кто ни умрёт, я всех убийца тайный...

В голосе царя что-то дрогнуло.

В зале всхлипнула какая-то женщина.

— Я отравил свою сестру царицу...

Царь уронил шубу с плеч и бесшумно закружил по сцене.

— Переигрывает! — шепнула Димина мать. Она переоделась и, пройдя в зал, села на корточки около ребят.

— ...беда! Как язвой моровой

Душа сгорит, нальётся сердце ядом,

Как молотком стучит в ушах упрёк... — бормотал царь. Глаза его сделались безумными. Дымили, потрескивая,

свечи, то вспыхивали льдом, то наливались кровью серебряные разводы на царском кафтане. Царь поднял руку, защищаясь от страшного видения, и попятился к тому углу сцены, где сидел Эдик.

— И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...

Раздался треск: Эдик упал в оркестровую яму. Но зал не шелохнулся.

— И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста. —

Закончил Петров.

И тогда раздались аплодисменты. Когда они стихли, слышались всхлипывания. Плакали двое — Мартыниха в последнем ряду и Эдик в оркестре.

Петров стоял у боковой кулисы, кланялся и смотрел в тёмный зал невидящими глазами. С подсвечника в его руках на доски падали белые капли воска.

„Надежда“

Ведущий объявил неправильно. Телефонограмма об увольнении Петрова в запас пришла только через неделю.

На пирсе, откуда уходил с оказией до Хабаровска Петров, его провожали Мартыниха, Эдик и Дима.

Мартыниха, подперев ладонью щёку, смотрела, как грузят на буксир вещи пассажиров.

— Прощай, Эдик! — сказал Петров и погладил Эдика по голове. — Прощайте и вы, и ты.

— До свидания! — сказал Дима. — Вы очень хорошо играли. Я в Севастополе в театре был, вы — лучше.

— Всего вам! — сказал Эдик. — Я со скалы вам ещё помашу!

Пассажиры взобрались на буксир. Он запыхтел, отвалил, направился к островку посредине бухты. У острова на якоре стояла баржа. Она доверху была загружена консервными ящиками. На каждом синей краской было написано: «Надежда».

На баржу завели канат. Подняли якорь. Когда миновали поворотный буй, Петров перешёл на корму — в последний раз посмотреть на берег.

Чёрно-зелёные сопки стерегли Надежду. Левее входа в бухту из воды торчал острый кекур. На его вершину карабкалась маленькая фигурка. Она торопилась, цеплялась за невидимые уступы, упорно ползла вверх.

ЛОЦМАН МАШКА

ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Проводка

Город стоял на берегу лимана. В лимане кончалась река Амур. Ближе к реке дома в городе были двухэтажные, подальше — в один этаж. За одноэтажными домами начиналась тайга. Амур плыл мимо города жёлто, неторопливо. В лимане за далёкой полоской сахалинского берега целый день кочевали облака.

Это был город лесорубов, рыбаков, лоцманов.

Июльским днём из города в лиман вышел катер с бάρжей.

Стучал дизелёк, баржонка на провисшем стальном тросе рыскала из стороны в сторону. В рулевой рубке рядом со старшиной катера стоял лоцман.

— Та-ак, — сказал лоцман и посмотрел на маленький катерный компас. — Чуть левее бери: сейчас под берегом буй откроется. От него и пойдём.

Показалась цепочка буйев — красные конические бочки с решётчатыми башенками. На башенках поблёскивали резными стёклами фонари.

— Страшное дело, — сказал старшина, — сколько река песку, глины тащит. Мель на мели. Работает Амур!

Лоцман кивнул и закашлялся.

— Скрипишь? — спросил старшина.

Лоцман не ответил. Он поправил на голове порыжевшую фуражку с кокардой и приоткрыл железную дверь.

В рубку ворвался холодный воздух.

Под дверью кто-то повизгивал.

— Машка, — сказал сердито лоцман, — опять сюда пришла? Марш на место!

В дверь просунулась чёрная медвежья голова. Машка посмотрела на людей, шумно вздохнула, блеснула белой салфеточкой на груди и исчезла.

По железной палубе зацокали когти.

Лоцман посмотрел ей вслед.

Машка устроилась около машинного люка на коврик из веревок. Она возилась, отворачивалась от брызг, летящих через борт, скулила.

— Через три часа к «Победе» подойдём! — сказал лоцман, возвращаясь в рубку. — Отлив сейчас. Полной воды там ждать будем!

К рыбачьему колхозу «Победа» подошли под вечер. Над синими сопками на западе уже зеленело небо.

Заметив катер с баржей, на берег высыпали рыбаки. Двое из них прыгнули в лодку, оттолкнулись, пошли навстречу.

— Прохору Петровичу! — крикнул один рыбак, подходя к катеру. — Газетки свежие есть?

Прохор Петрович бросил в лодку пачку газет, перевязанную бечёвкой. Он стоял у борта. У его ног тёрлась Машка.

Лодка ударилась о катер. Машка встала на задние лапы и, положив морду на цепной поручень, посмотрела на рыбаков... Рыбак нагнулся и вытащил из-под скамейки серебрястую скользкую горбушу.

Машка поймала рыбку на лету, уселась и, радостно рыча, принялась её грызть.

— Избалуешь её! — сказал Прохор Петрович рыбаку в лодке. — Она и так это место от самого города ждёт.

Рыбак махнул рукой.

— Ладно. Ну, а тебе как, пишут? — крикнул он на прощанье.

Лоцман не ответил.

— А ты всё равно пиши, пиши. Война знаешь как всё перевернула? Пока разберутся! — крикнул ещё раз рыбак, и лодка ушла.

П о ч т а

Назад возвращались налегке, без баржи.

Весело стучал дизелёк. Жёлтые брызги летели на руоку, на машинный люк.

— Быстро мы её отвели! — сказал старшина. — Раз-раз — и назад. У сахалинского берега, говорят, опять буи сдвинуты!

— Ползут мели, ползут! — ответил лоцман.

Войдя в порт, катер стал у причала.

Прохор Петрович сошёл с катера, скрипучей дощатой лестницей побрёл из порта наверх в город.

Над обрывом, четырьмя окнами выходя на реку, желтело новое, обшитое тёсом здание. Над крыльцом — синяя с белыми буквами доска:

За спиной лоцмана застучали доски. Прыгая со ступеньки на ступеньку, его догоняла Машка.

Прохор Петрович вошёл в почту.

Девушка в окошке «до востребования» кивнула ему, защёлкала письмами в ящике.

— Вам опять тоненькое, — огорчённо сказала она и протянула жёлтый листок с отпечатанным типографским текстом.

— Опять не нашли! Запрашивать будете?

Прохор Петрович кивнул, отошёл к конторке, морщинистыми загрубевшими пальцами взял ручку, прямыми высокими буквами написал открытку.

Девушка мельком взглянула на неё, выше и правее слов «адресный стол» наклеила марку.

— Что делать, пошли, Машка, назад, на катер! — сказал Прохор Петрович.

Был а война

Лоцман лежал на узкой катерной койке, укрытый ватником, и смотрел, как в круглом иллюминаторе вспыхивают синие и жёлтые солнечные зайчики.

За бортом, совсем рядом, у локтя, бормотала, булькала вода. Койка чуть-чуть покачивалась.

Лоцман уснул.

Ему опять приснилась война. Дымные пароходы в таллинском порту. Жена с дочкой на палубе парохода. У дочки в руках была красная плетёная корзинка. Отдали швартовые, пароход развернулся и отошёл от причала. Сотни рук заматались в воздухе над чёрным пароходным бортом. Среди них мелькала — не угадать какая — рука жены и светилась поднятая над головами красная корзинка. Пароход уходил в Ленинград. Вдруг завывли сирены. Отчаянно затарахтели зенитки. С запада, прячась в облачных полосах, на город плыли вражеские самолёты.

Пароход отчаянно задымил и поспешил к другим кораблям под прикрытия их орудий.

Прохор Петрович стоял, прижавшись спиной к бетонной стене склада, и смотрел, как мечется по палубе красная корзинка...

— Прохор Петрович! — раздался голос. В каюту просунулась голова матроса. — Вас в порт вызывают к начальству!

«Опять уговаривать», — подумал Прохор Петрович, снял со стены фуражку, натянул ватник и вышел на палубу.

К а т е р а

Начальник сидел за большим пузатым столом и вертел в руках толстую зелёную авторучку.

— Вот и ты! — сказал начальник и кивнул.

Прохор Петрович остановился перед столом.

— Как здоровье? — спросил начальник.

— Ничего.

— Вот, вот... только что ничего. Дело есть срочное. Не знал, как с тобой и быть.

Прохор Петрович пожал плечами. Он мял в руках фуражку с гербом, смотрел на зелёную авторучку и думал: «Сейчас опять начнёт про берег...»

— Проводка есть одна. Срочная, — сказал начальник и поскрёб пальцами лысый выпуклый череп. — Катера в бухту Надежда провести надо.

— Раз надо... — сказал Прохор Петрович.

— Военные катера. Народ там молодой; винты тонкие, сидят глубоко. Наломаете дров — всем отвечать... — Начальник поморщился и махнул рукой. — Ладно! Всё равно: все лоцмана в разгоне — идти надо тебе... Стареешь, Прохор Петрович, стареешь! Вон глаза — как углем обведены... В Надежду вход-то теперь по-новому: от буя рекомендуется поворот влево. Обмелело там. Ну, иди!

... Катера подошли ночью.

По узенькому трапу Прохор Петрович поднялся на борт головного.

На мостике, рядом с рулевым и сигнальщиком, стоял молодой лейтенант.

— Лоцман? — спросил лейтенант.

— Лоцман.

— Отходим!

Позади Прохора Петровича послышалось сопение, трап подпрыгнул.

— Это ещё что такое? — спросил лейтенант и посмотрел в темноту. — Вахтенный, не пускать собаку!

— Медведь тут, товарищ лейтенант! — крикнул вахтенный.

— Какой медведь? Гнать его!

Прохор Петрович, не говоря ни слова, повернулся и пошёл по трапу назад.

На катерах уже заводили моторы.

— Чёрт его знает что! — сказал лейтенант. — Это ваш медведь? Так ведь поймите, нельзя его брать на военный корабль!

Прохор Петрович пожал плечами.

— К вечеру шторм обещают! — сказал сигнальщик.

— Пропустите зверюгу! — сказал лейтенант. — Только чтоб её духу около мостика не было. Пускай на корме сидит. И к пулемётам не подпускать!

Прохор Петрович вернулся.

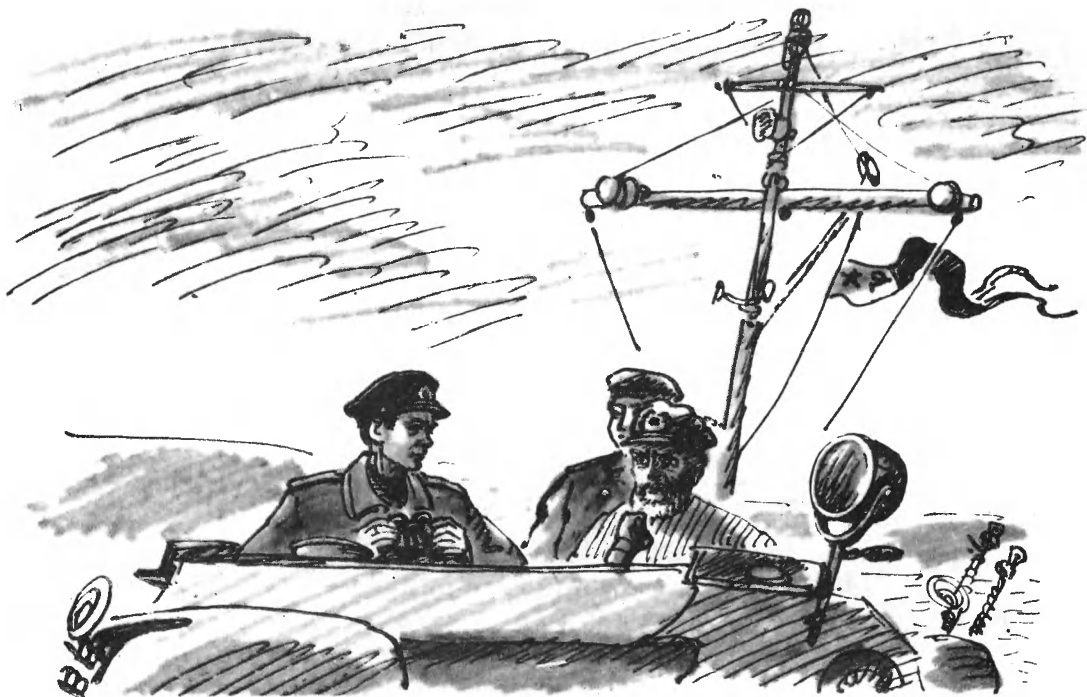
С громом завелись моторы. Катер рывком отлетел от причала, умчался в чёрную ночь, выметывая из-под бортов белые гаснущие пятна пены.

На поворотных, невидимых в темноте мысах, звёздочками замерцали маячные огоньки.

— Пробрёскивают! — сказал лейтенант, показывая на огоньки. — Там, что ли, главные мели?

— Затмеваются! — сказал Прохор Петрович. — Здесь все огни затмеваются... Главные мели утром проходить будем.

Ночь кончилась, занялось утро — полный штиль.

Из-за тоненькой полоски сахалинского берега всплыл оранжевый шар солнца. Желтея и уменьшаясь, он начал подниматься всё выше и выше.

— Море-то как остеклело! — сказал Прохор Петрович.

За головным катером шли ещё три. Они неслись, не касаясь носами неподвижной воды, глубоко погрузив кормы. Оттого, что катер не трясло и не било, Прохору Петровичу казалось, что он совсем не движется.

Впереди вынырнул красный буй.

— Тут мели? — спросил лейтенант.

Прохор Петрович кивнул.

— Буй не на месте, — сказал он. — Должно быть, его волной сдвинуло.

Лейтенант удивлённо поднял брови.

— Что же делать? — встревоженно спросил он.

— Ничего, повернём! Как на берегу вон та сопочка за соседнюю спрячется, — поворот сделаем.

Лейтенант поднял бинокль и осмотрел берег.

— Ничего не разобрать! Где вы сопочку увидели?

— Сейчас, сейчас... подходят... Сошлись! — крикнул Прохор Петрович. — Лево руля!

— Лево руля! — сказал лейтенант.

Он молчал до тех пор, пока по носу не открылся следующий буй.

— Точно идём! — сказал он. — Ну, у вас и глаза! Сигнальщик, передайте на камбуз, чтобы на мостик подали чай. Мне и лоцману.

П о в о р о т н ы й б у й

К бухте Надежда подошли в полдень. Синие сопки поднимались, поднимались из-за горизонта и встали наконец на пути коричневыми громадами. Потом они раздвинулись, и между ними открылся вход. В глубине бухты серыми пятнышками всплыли домики рыбкомбината.

— Будем входить! — сказал Прохор Петрович. — Жаль, вода уже дрогнула: на убыль пошла. Неглубоко здесь.

Катера неслись чуть покачиваясь. Над плоскими командирскими рубками дрожали пулемётные стволы. Из-под днищ летели длинные клочья пены.

— Будто на месте стоим, — крикнул лейтенант, — а скорость-то ого-го!

Он весело оскалился.

Показался, словно выпрыгнул из воды, буй. Он так стремительно нёсся навстречу катеру, что лоцман вздрогнул.

— Поворот сейчас!.. — сказал он.

— В какую сторону? — крикнул лейтенант.

— Был вправо, — начал Прохор Петрович и вдруг вспомнил. Но было уже поздно. Катера один за другим, как в громадной карусели, понеслись, огибая буй справа. Тёмные следы за их кормами вдруг сделались мутно-жёлтыми.

— Малый ход! — крикнули сразу и Прохор Петрович и лейтенант. — Застопорить ход!

Катер ударился о что-то мягкое раз, второй и остановился. Остальные катера разбрелись кто влево, кто вправо.

— Влево поворот здесь теперь, — пробормотал Прохор Петрович, — влево...

— Может, обошлось? — спросил лейтенант, оглядываясь.

— Вижу плавающий предмет! — крикнул сигнальщик.

Один из катеров осторожно подошёл к тёмному пятну.

— Шевелится! — удивился сигнальщик. — Тащат... Вытащили. Да это же медведь! — ахнул он. — У нас с кормы слетел. Во крутанули!

Вошли в Надежду, подошли к пирсу.

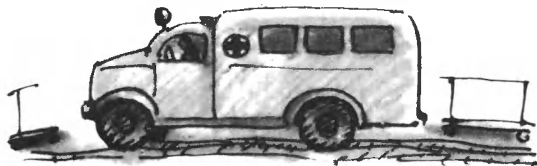
Машку сейчас же привели к лоцману. Прохор Петрович стоял, перебирая пальцами мокрую Машкину шерсть.

«Вот и не успел! — думал он. — Вот и посадил на меляку!»

Катера завели в судоподъёмник. Тяжами подняли корму головному. Бронзовые винты горели как полированные.

— По песочку прошли! — сказал лейтенант. — Как наждаком их вычистило! Счастье, что не поломали, а то бы — суд!

Б о л е з н ь

Назад из Надежды Прохор Петрович с Машкой добирались плохо. Шли на палубе траулера. Лоцман простыл. Он стоял привалясь к борту. Перед глазами всё время горели золотом блестящие надраенные песком винты. Болела грудь.

«Неладно получилось! — шептал сам себе лоцман. — Неладно!»

Вернувшись в город, он первым делом пошёл на почту.

— Вам опять тоненькое! — сказала девушка. — Вы знаете, я заметила: как из адресного стола отказ — тоненький листок приходит: «Таких-то в списках не значится» или «Местопребывание неизвестно». А если бы нашли ваших, телеграмма или пакет были... Вы всё равно пишете. Сейчас многие пишут и находят.

Прохор Петрович написал новую открытку, наклеил на неё марку — зелёный танкист в шлеме, весёлый и молодой, — пошёл к двери.

— Вид-то у вас какой нехороший. Устали сильно. Только с лимана?

Лоцман кивнул и вышел на крыльцо.

У крыльца сидела Машка. Вокруг неё толпились ребята.

Прохор Петрович хотел было что-то сказать, протянул к Машке руку и вдруг увидел, что улица вместе с домами опрокидывается на него. Серое небо наклонилось, и по нему стремительно поплыли синие круги...

На шум падения из почты выбежала девушка.

— Что же вы стоите? — закричала она на мальчишек. — Помогите. Подержите голову... Ты, самый большой, беги в порт, позови матросов. Я сейчас!

Она убежала звонить в «Скорую помощь».

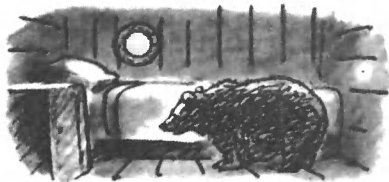
С воем подлетела белая, с красными крестами на дверцах машина.

Дверцы открылись и захлопнулись. Снова завывала сирена.

Прохора Петровича увезли.

Девушка с матросом повели Машку в порт. Скрипела лестница. Машка неуклюже слезала со ступеньки на ступеньку и всё время оглядывалась.

Б е з х о з я ч н ы

Проход Петровиц не возвращался.

Машка беспокоино металась по палубе, то и дело подходила к трапу, обнюхивала его. Доски пахли чужими.

Заметив открытый люк, Машка залезла внутрь катера. В тесном маленьком коридорчике была всего одна дверь. За дверью — тесная каютка, в ней койка, застеленная рыжим одеялом.

Машка понюхала одеяло и радостно завизжала. Она тёрлась о него длинной узкой мордой, царапала когтями, лизала.

— Смотри, чего натворила! — закричал матрос, заглянув в каюту. — Одеяло истратила! А ну отсюда!..

В тот же день катер ушёл на проводку.

Вместо Прохора Петровица в рубке, рядом со старшиной, стоял новый лоцман. Он был маленький, сухонький, всё время шелестел картой и выбегал с биноклем на палубу.

— А вы не волнуйтесь! — сказал ему старшина. — Человек хотя вы и новый, да проводка обычная. Сто раз ходили!

Маленький лоцман кивнул, но на всякий случай ещё раз осмотрел берег в бинокль.

— У вас тут сложно! — сказал он. — Река, приливы, отливы... У нас на Балтике проще!

И он вздохнул.

Мимо открытой двери по палубе прошмыгнула Машка.

— И знаете, — сказал лоцман, — у нас на Балтике зверей держать на кораблях не разрешают. От них запах и портится обмундирование.

Когда катер с баржей подошли к «Победе», Машка снова появилась у рубки.

— Иди, Маша, на корму! — ласково сказал старшина.

Машка посмотрела на медленно движущийся берег и недовольно замотала головой.

— Урч! — сказала она.

— Пошла на место!

— Рррр!

— Ничего не понимаю, почему она сердится? — сказал старшина. — Тихий зверь, год с нами плавает, все порядки знает... Может, что делаем не так?

— Не тем курсом идём? — осторожно спросил балтиец. Старшина засмеялся:

— Медведь лоцман?

В этот момент катер дёрнулся, старшина и лоцман упали друг на друга.

— Трос лопнул! Баржа сидит! На мель выскочила! — закричали матросы.

Все выбежали на палубу.

Баржа неподвижно стояла на месте. Вокруг неё расплывалось жёлтое пятно.

— Отдать якорь! — скомандовал старшина. — Ах ты! — добавил он. — И верно, не так шли: прилив-то забыли. На этом месте, — обратился он к лоцману, — Прохор Петрович всегда останавливался, прилива ждал... Где эта чёртова скотина?

Машка уже была на носу. Она стояла столбиком у борта и облизывалась. От берега к катеру шла лодка. Ветер доносил сладкий запах горбуши.

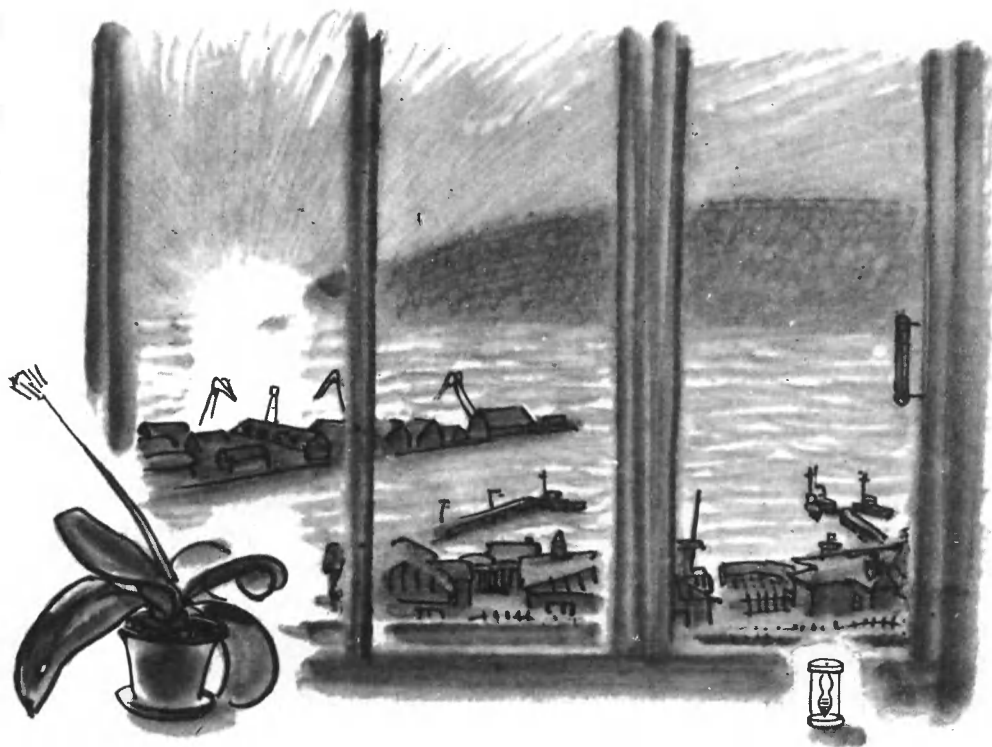

В б о л ь н и ц е

Прохор Петрович лежал на белой больничной кровати, укрытый тоненьким застиранным одеялом.

Над ухом шёпотом бормотал репродуктор.

Ночь лоцман не спал. За окном в чёрном небе падали звёзды. Они летели наискосок из левого угла, вправо и вниз. Не долетев до подоконника, звёзды гасли.

Под утро Прохор Петрович забылся. Ему снова приснился сон.

Снился адресный стол.

Стол был огромный. Он стоял над всем городом, упираясь четырьмя ногами в землю.

Маленькие люди суетились у его подножия. Людям нужно было узнать что-то очень для них важное. Они кричали и размахивали руками. Стол стоял молчаливый, как гора. Изредка с него срывались и падали вниз белые листки бумаги.

Прохор Петрович тоже суетился и бегал вместе с людьми. Он тянул руки вверх к падающим листкам, но каждый раз толпа относила его в сторону.

Вдруг Прохор Петрович увидел Машку. Она пробиравась

к нему. В зубах Машка держала белый листок. Она повизгивала и огрызалась — ей наступали на лапы. Листок белел, как салфеточка на груди.

Прохор Петрович хотел броситься к ней навстречу, но почувствовал, что ноги у него опутаны якорной цепью. Он струдом волочил их.

Когда до Машки оставалось каких-то десять шагов, Машка и стол исчезли. Вместо города перед ним жёлто и безбрежно горел на солнце лиман. Под ногами качалась палуба...

Прохор Петрович проснулся. Кто-то осторожно покачивал койку.

Перед ним стояли сестра и врач в белых халатах.

— Мы решили выписать вас, — сказал врач. — Только никаких рейсов. Ни реки, ни моря. Служите, если хотите, на берегу. И каждый месяц проверяйтесь у нас.

Новая работа

Мокрая глинистая дорога сделала ещё один поворот. Открылась бухточка. Прохор Петрович спустил с плеча на землю фанерный, с острыми углами, чемодан. Машка подошла к чемодану и обнюхала крышку.

Чемодан пах хорошо: машинным маслом, железом, ка-тером.

— Вот так, — сказал Прохор Петрович, — доплавались мы с тобой, Машка. Будем плавать теперь на берегу. Склад вещей мне дают.

Весеннее солнце быстро сушило глину. Обочина дороги желтела прямо на глазах. В бухте белой уткой плавала последняя льдина.

Прохор Петрович поднял чемодан.

Ещё поворот — и открылась щитовая база. Чёрные деревянные домики на берегу, вытасненные на зимнюю стоянку щиты.

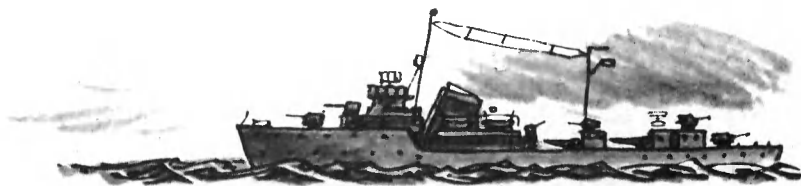
Щиты лежали, словно старинные корабли, — задравверху острые носы, подняв в небо частокोल мачт. На одном щите уже прилаживали между мачт серое, в заплатках полотнище.

— Здорово они его расстреляли! — сказал про полотнище Прохор Петрович. — Из пушек, видно, здесь быют. Вот служба — рвут да чинят! Чинят да рвут.

Он замолчал и начал спускаться с дороги, тропинкой вниз.

Машка побрела следом. За зиму она вымахала в длину, отошала. За Прохором Петровичем лез чёрный с синим отливом медведь ростом с телка. Лез, осторожно ставя лапы на камни, корни, где ловчее упор.

И, и т

На щитовой базе служба оказалась тихая. Прохор Петрович днями сидел в складе, порол тяжёлую грубую парусину, банками выдавал смолу, перекатывал с места на место свёрнутые в тугие круги мотки верёвки.

Ещё ругал матросов.

— Ну, что вам от неё надо? — говорил он какому-нибудь здоровенному верзиле в тельняшке. — Не с кем бороться? Да вас, таких дурней, здесь сотня. Она же скоро вас рвать начнёт. Ведь растёт — силу набирает. Беда будет!

Матрос стоял перед ним, потный, красный, вытирая шею разорванным рукавом рубахи.

— Где медведь? Небось спрятался теперь — не найдёшь?..

Однажды после такого разговора Прохор Петрович на-

шёл Машку под одним из щитов. Она лежала, привалясь к длинному коробчатому поплавку и, рыча, вылизывала шерсть.

В бухте сонно плескала вода. Над берегом пахло смолой, стучали топоры. На щите двое матросов кривыми иглами зашивали полотнище — готовили щит в море.

— Что с тобой делать — ума не приложу! — сказал Прохор Петрович и присел возле медведицы. — В город отдать — некому. В лес завести — не уйдёшь... Ну, ладно, сиди здесь, — он привстал, — мне на обед да в море: человек один подменить просит. Хоть раз посмотрю, как тут стреляют!..

Щит на стрельбу повели сразу после обеда. Подошёл буксирный катер, завёл на щит канат — щит уже качался на воде — и потащил его из бухты.

В лимане их встретила волна. Мелкая, частая.

На полигоне — в районе стрельбы — уже ждал корабль. Низкий, серый, он ходил короткими курсами взад-вперёд, держал опущенными книзу стволы пушек.

Катер повернул, повёл щит параллельно кораблю. На корабле, видно, дрогнули и поползли вверх стволы.

«Сейчас ударит!»

Прохор Петрович оглянулся на щит и обомлел.

— Человек на щите!

На мачту щита лез человек. Он торопился, долез до половины мачты, уцепился за перекладину.

Старшина катера схватил сигнальный пистолет и бахнул вверх красную ракету.

— Не стрелять по щиту! — закричал в телефонную трубку радист.

— У-у-у! — завывала сирена.

Но было поздно.

В воздухе что-то пропело, и за щитом вспыхнул белый столбик воды.

«Снаряд!»

— Лево руля! — скомандовал старшина.

Катер повернул к щиту.

На корабле это заметили. Выстрелы прекратились.

Когда катер подошёл к щиту поближе, Прохор Петрович ахнул:

— Машка!

Обхватив лапами перекладину, на мачте сидела Машка и испуганно озиралась.

Дрожащую, мокрую, её сняли матросы и передали на катер.

Машка тыкалась чёрным сухим носом в матросские ладони и испуганно повизгивала...

— У-у! — сказал Прохор Петрович и ткнул пальцем в покатый Машкин лоб. — Нашла куда прятаться. И сбегать не успела. Да ведь тебя могли...

Он закашлялся.

Н е т М а ш к и

— Куда тебя деть? — снова и снова говорил Прохор Петрович, вечерами оставаясь с Машкой в складе. — Когтищито отрастила! И что с тобой делать? Сегодня опять матроса помяла? Нет такого здесь, понимаешь, места, чтобы тебя приняли.

Машка смотрела коричневыми глазами в лицо хозяина и радостно гукала.

Сентябрьским солнечным днём на базу притащили баржу с досками.

Доски сгрузили. На двух машинах привезли пустые бочки из-под рыбы и свалили в трюм.

Ночью баржу увели.

Утром Прохор Петрович проснулся позже обычного. Болела голова. Плохо дышалось. Помяв пальцем грудь, Прохор Петрович вышел на воздух.

Машки у склада не было.

У столовой тоже.

— Нет. Не видели! — отвечали люди на все расспросы. «Куда же она пропала?»

Наконец один плотник вспомнил.

— Постой, — сказал он, — а ведь вчера она у баржи крутилась. Бочку одну в сторону покатила — еле отняли. Рыбу искала.

Прохор Петрович кинулся к начальнику базы.

— Баржа? — переспросил тот. — Эка хватил! Да она уже около рыбкомбината. Часа в три рыбаки из «Победы» катером приходили и увели её... Ну чего ты? Аж в лице изменился. Так и быть, бери мою лодку с мотором, сходи. Может, и верно медведь там.

Мотор капризничал. Он всхлипывал, со свистом засасывая воздух, чихал и, наконец, с пистолетным выстрелом завёлся.

Лодка выскочила из бухты в лиман, огибая мыс, заторопилась к рыбкомбинату.

Боковой ветер кренил её. Пологая волна совсем клала на борт.

«Медленно иду! — думал Прохор Петрович. — Медленно».

Когда он подошёл к комбинату, баржи там уже не было. На берегу волновалась толпа.

«Наверно, из-за Машки!» — подумал Прохор Петрович.

— Вон кто пришёл! — сказал пожилой рыбак, узнав лоцмана. — Стой-ка, а это не твой медведь тут был?

И он рассказал, что случилось.

Баржу в рыбкомбинат привели утром. Завели за мысок и там хотели поставить на якорь. Два человека полезли на баржу. Один снял с якоря стопора, второй забрался в трюм. Чтобы добраться до дна и посмотреть, нет ли там воды, он шевельнул бочку. Бочка взревела, и из неё полезло что-то чёрное.

Рыбак охнул и вылетел из трюма.

Когда медведь выбрался на палубу, на барже уже было

пусто, буксирный конец —отдан. Слабый ветер медленно разворачивал баржу на месте.

Катер умчался к берегу. Скоро там собралась толпа.

— Охотников надо, охотников! — кричали люди.

Охотники с ружьями прыгнули в лодку.

— Осторожнее: бочки! Бочки перестреляете! — кричал директор комбината. — За них деньги уплачены! Снизу стреляйте!

Между тем ветер усилился. Баржа дрейфовала к мысу. Охотники навалились на вёсла.

Уже подходя, самый горячий из них дуэтом полоснул поперх баржи.

На Машкино счастье, баржа была уже около берега. Она ударилась кормой о камни и остановилась.

За песчаным пляжем начинался молодой лес. Зелёный, с рыжинкой, ельник, отступая к сопкам, темнел, переходил в тайгу.

Охотники с ружьями наперевес по одному влезли на баржу.

Машки на ней уже не было.

Д е в у ш к а

Целый день бродил Прохор Петрович по ельнику. Когда вернулся, с сапог пластами сходила болотная грязь.

На щитовую базу он пришёл поздно вечером.

Собрав фанерный чемодан, сразу отправился к начальнику базы.

— Не держу, — сказал начальник. — Раз такое дело, не можешь больше, — не держу.

Ночью попутным буксиром Прохор Петрович уплыл в город.

Буксир шёл Амуром, под самым берегом. Вверху над обрывом медвежьими глазками горели огоньки.

«Снова плавать пойду, — думал Прохор Петрович. — Года три ещё протяну...»

Показался порт.

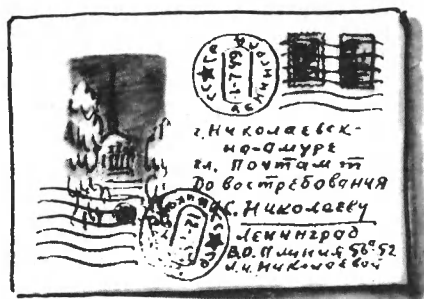
Выше портовых фонарей, выше огней на кранах светились окошки почты.

Там, за стеклянной перегородкой, сидела девушка и перебирала конверты в ящике «до востребования». Жёлтые, голубые, белые... Из пачки конвертов девушка вытащила толстый пакет.

— Почему он не идёт? — сказала вслух девушка. — Уже неделя, как не был. И со щитовой никто не заходил... Завтра же пойду сама.

Она отложила пакет в сторону и подошла к окну.

По чёрной реке со стороны лимана двигались два огонька — зелёный и красный. Они перекатились от одного берега к другому, повернули, померкли, попав в круг портовых огней. Стало видно: в порт вошёл маленький буксир.

П О С Л Е С Л О В И Е

На Дальний Восток я попал во время войны. Отвоевав, остался там на десять лет.

Десять лет я плавал по Японскому, Охотскому, Берингову морям.

Был штурманом. Дальневосточные, бело-голубые, с загадочными названиями карты до сих пор лежат у меня в столе. Чтобы полюбить край, надо ему удивиться. С названий и началось мое удивление Дальнему Востоку. Карты его морей читаются как роман. Мыс Африка, бухта Находка, кекуры Пять Пальцев, мыс Изменный — в этих названиях следы человека. На железной дороге Совгавань — Комсомольск самая высокая точка — Кузнецовский перевал. Неподалёку от полотна железной дороги могила. В ней похоронен инженер Кузнецов — он погиб, разыскивая проход через горы. Его след остался в веках.

Дальний Восток прихотлив и необычен.

Однажды, когда мы плыли с Камчатки, пароход подошёл к Сахалину. Капитан отключил сирену и сам обошёл палубу, заглядывая за борт. Он проверял, все ли помпы остановлены. Мы проходили остров Тюлений. Около него нельзя давать гудки и откачивать за борт маслянистую воду из трюмов. На острове живут котики. В мире сохранилось только три стада морских котиков. Котики любят чистую воду и тишину. Это очень интересные звери. . .

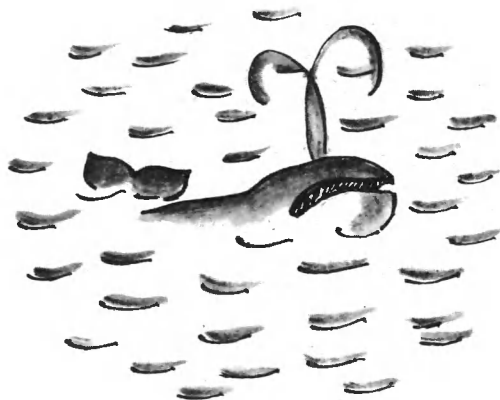

Но самое интересное на Дальнем Востоке — люди. Во время войны я видел своими глазами подвиг лётчика Янко. Он направил свой горящий самолёт на вражеский город. На катерах со мной служил старший лейтенант Петров. Это был удивительный артист. Когда в Советской Гавани он читал монолог царя Бориса, несколько мальчишек от страха свалились в оркестровую яму. Вы узнаете этого человека в рассказе «Царь Борис».

В этой книге почти всё правда. Не знаю, плавают ли сейчас на кораблях гималайская медведица Машка. Когда я служил в Совгавани, Машка жила на военном корабле. Она любила пить из бутылки компот, и ей тоже досаждали борьбой матросы. В Совгавани лежит на дне тихой бухты фрегат «Паллада». Водолаз, который опускался на её палубу, принёс из-под воды кусок дерева, источенный морским червем — ша-шелем.

Правда, бухты Надежда на картах Японского моря нет. Мне показалось удобнее поселить всех героев в одну выдуманную бухту, свести вместе их судьбы. На Дальнем Востоке много бухт, похожих на Надежду, а в одной из них даже есть островок, на котором жила женщина-сторож. Только вместо козы у неё был кот.

Это первая книга, которую я написал о Дальнем Востоке. В ней нет никаких китов. Я очень хотел, чтобы в ней были интересные люди. Я хочу, чтобы вы тоже полюбили их.

СОДЕРЖАНИЕ:

ТАМ ЖИВУТ ОДНИ КИТЫ	6
ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»	20
КОСОЙ ЭДИК	36
ЦАРЬ БОРИС	44
ЛОЦМАН МАШКА	54
ПОСЛЕСЛОВИЕ	75

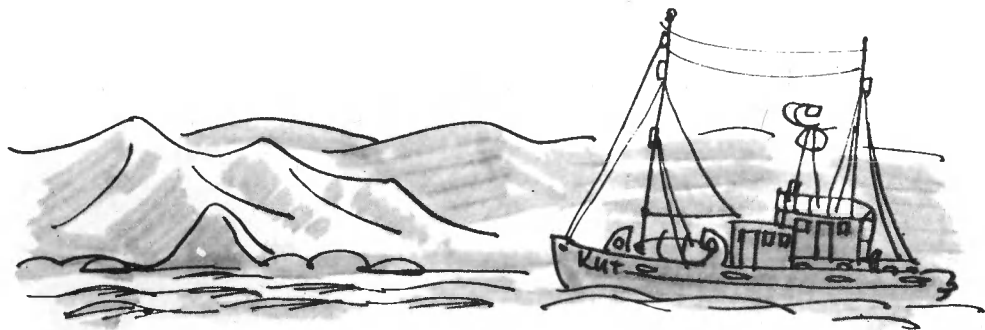

Дорогие читатели!

Присылайте нам ваши отзывы о прочитанных книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, Д-187,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».*

**ДЛЯ МЛАДШЕГО
И СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА**

Сахарнов Святослав Владимирович

ТАМ ЖИВУТ ОДНИ КИТЫ

Ответственный редактор
Н. Л. Страшкова.
Консультант
по художественному оформлению
Ю. Н. Киселев.
Технический редактор
З. П. Кореньюк
Корректоры
К. Д. Немковская
и Ю. А. Бережнова.
Подписано к набору 27/XI 1965 г
Подписано к печати 15/II 1966 г
Формат 70 × 90¹/₁₆ Бум. № 2. Печ.
л. 5. Усл. печ. л. 5,85. Уч.-изд.
л. 3,92 Тираж 100 000 экз. М-08073.
ТП 1966 № 242. Ленинградское от-
деление издательства «Детская ли-
тература». Ленинград, Д-187, наб.
Кутузова, 6. Заказ № 720.
Фабрика «Детская книга» № 2 Рос-
главполиграфиром Комитета по пе-
чати при Совете Министров РСФСР
Ленинград, 2-я Советская, 7
Цена 23 коп

23 коп

